K1769
WILSON ANNEX

ПРОТОКОЛЫ

КОММИССІИ

ПО

ЦЕРКОВНОМУ ПРАВУ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ ЮРИДИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

за 1911—1912 годъ.

I. Реформа церковнаго прихода.

II. Вопросъ о бракѣ и разводѣ.

СОСТАВЛЕНО И ИЗДАНО ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ
СЕКРЕТАРЯ КОММИССІИ ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТА
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА А. И. ПОКРОВСКАГО.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1913.

LSC
UNC-CH

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

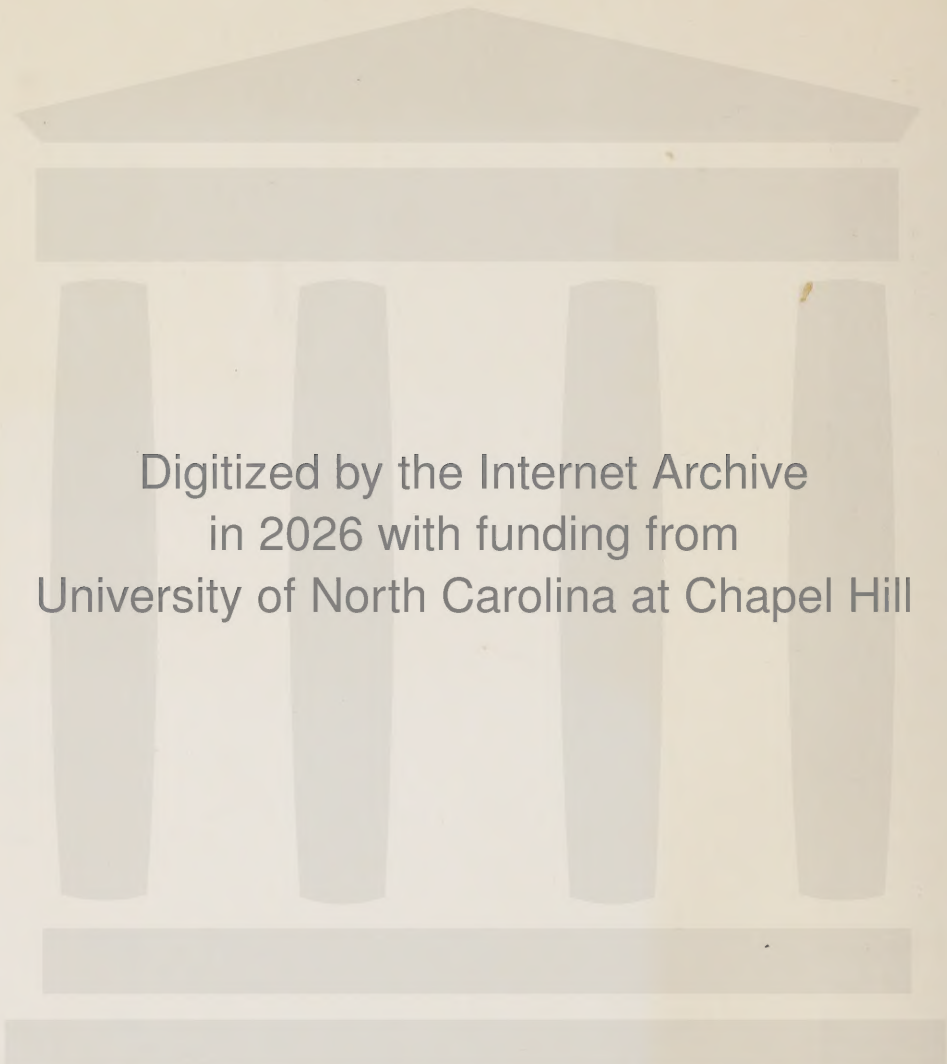
K1769

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
10001885275

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
JUN 2 6 1996			
	MAY 30 '96		

Form No. 513
Rev. 1/84


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/protokolykommiss00mosk

МС К1769

ПРОТОКОЛЫ

КОММИССІИ

ПО

ЦЕРКОВНОМУ ПРАВУ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ ЮРИДИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

за 1911—1912 годъ.

I. Реформа церковнаго прихода.

II. Вопросъ о бракѣ и разводѣ.

СОСТАВЛЕНО И ИЗДАНО ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ
СЕКРЕТАРЯ КОММИССІИ ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТА
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА А. И. ПОКРОВСКАГО.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Вознесенка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1913.

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія коммиссіи по Церковному праву отъ 31 октября 1911 года.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя Юридическаго Общества **А. Э. Вормса** въ присутствіи 41 члена Общества.

А. Э. Вормсъ. «Такъ какъ коммиссія по Церковному праву еще не конституировалась, то въ настоящее засѣданіе приглашены всѣ члены Общества, и оно будетъ проведено отъ имени Совѣта Общества. Приглашаю желающихъ вступить въ члены Коммиссіи заявить о томъ. Слѣдующее засѣданіе Коммиссіи будетъ созвано въ составѣ членовъ Общества, вошедшихъ въ Коммиссію, и посвящено выборамъ бюро. Предоставляю слово докладчику Н. В. Тесленко».

Основныя мысли, развитыя **Н. В. Тесленко,** въ докладѣ, посвященномъ памяти В. А. Караулова, сводятся къ слѣдующему. Біографія и вся прошлая дѣятельность этого знаменитаго «каторжника» не давала основанія видѣть въ немъ такого глубокаго знатока церковной жизни и радѣтеля церковныхъ интересовъ. Человѣкъ свѣтскаго происхожденія и образованія, чуть не всю свою жизнь боровшійся за народовольческіе идеалы, В. А. Карауловъ обнаружилъ столько идеализма, столько горячей религіозной вѣры, столько, наконецъ, спеціальныхъ богословскихъ и церковно-каноническихъ познаній, что положительно удивлялъ многихъ. Онъ горячо откликался на все, что только могло содѣйствовать обновленію русской церкви и улучшенію быта низшаго духовенства. Его одинаково интересовали и крупные и мелкіе вопросы: и отношеніе церкви къ государству, и сектантство, и положеніе семинаристовъ, и духовная печать, и церковный соборъ, и т. п. Характерной чертой В. А., помимо горячаго идеализма, была еще его практичность: онъ не гнался сразу за всѣмъ, но предпочиталъ овладѣть пока хоть кое-чѣмъ, но овладѣть реально и прочно. В. А. Карауловъ состоялъ предсѣдателемъ Коммиссіи по старообрядческимъ вопросамъ и, несомнѣнно, больше всѣхъ

обезпечилъ торжество въ Государственной Думѣ законопроекту о старообрядческихъ общинахъ. Интересовался В. А. даже и еврейскимъ вопросомъ и дѣятельно готовился къ законопроекту объ отмѣнѣ черты осѣдлости. Но особенно глубоко-трогательно было отношеніе В. А. къ судьбѣ низшаго сельскаго духовенства, объ интересахъ котораго онъ не переставалъ заботиться никогда. Даже лежа на смертномъ одрѣ, всего за нѣсколько часовъ до смерти, онъ, узнавъ отъ своихъ друзей, что законопроектъ о лишенныхъ и снявшихъ санъ благополучно прошелъ въ Государственномъ Совѣтѣ, перекрестился и сказалъ: «Сколько ихъ теперь вздохнетъ свободно!» Закончилъ г. Тесленко свой докладъ горячимъ пожеланіемъ, чтобы свѣтлая личность В. А. и тѣ идеалы, за которые онъ такъ пламенно и самоотверженно боролся, служили путеводной звѣздой и для предстоящей дѣятельности Церковно-правовой коммиссіи.

По предложенію Предсѣдателя память В. А. Караулова была почтена вставаніемъ.

Во время послѣдовавшаго перерыва записались въ члены коммиссіи: 1) **Б. А. Подгорный**, 2) **И. М. Громогласовъ**, 3) **Н. А. Заозерскій**, 4) **В. С. Малченко**, 5) **А. И. Покровскій**, и 6) **Н. В. Тесленко.**

По возобновленіи засѣданія **П. И. Астровъ** сдѣлалъ сообщеніе на тему — «Задача церковной реформы». Докладчикомъ были высказаны слѣдующія положенія. Смотря на свой докладъ, какъ на введеніе въ работу вновь основанной Юридическимъ Обществомъ Церковно-правовой коммиссіи, докладчикъ, воздерживаясь пока отъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ практическихъ пожеланій, хотѣлъ бы установить нѣкоторыя теоретическія предпосылки для такой практической работы. Религіозное общеніе является одной изъ формъ культурнаго общенія; но такой, которая существенно отличается отъ другихъ формъ этого общенія, отъ общенія, напр., на почвѣ искусства и науки. Общеніе во имя религіи — это не теорія и не схоластика, а «живая жизнь» въ ея неуловимо-глубокихъ и самоважнѣйшихъ проявленіяхъ. Религія — это живая цѣнность, дающая тонъ всей жизни. Это никогда такъ не чувствовалось, какъ теперь: современныя религіозныя исканія и проповѣдь Толстого — наглядные тому примѣры. Это — первая, чисто жизненная предпосылка.

Вторая предпосылка — юридическая. Докладчикъ находитъ, что одной изъ главныхъ практическихъ задачъ Церковной коммиссіи будетъ разработка проблемы объ отношеніи церкви къ государству. Это взаимоотношеніе въ самыхъ общихъ чертахъ

рисуется докладчику такъ, что государство должно поддерживать религіозныя организаціи матеріально, не налагая на нихъ никакихъ обязанностей, не требуя никакой жертвы. А церковь, въ свою очередь, должна воздѣйствовать на государство морально, воспитывая религіозную совѣсть дѣятелей государства и прививая имъ высшіе нравственные принципы. Эти двѣ теоретическихъ предпосылки и должны, по мнѣнію референта, лечь въ основу всей дальнѣйшей научно-практической работы Церковно-правовой коммиссіи.

Послѣ небольшого перерыва были открыты пренія по второму докладу — г. Астрова, имѣвшему какъ бы програмный характеръ для вновь соорганизовывавшейся Церковно-правовой коммиссіи.

Первый изъ оппонентовъ проф. **Н. А. Заозерскій** привѣтствуетъ то широкое философское освѣщеніе вопроса о задачахъ церковной реформы, которое дано докладчикомъ. Работая въ томъ идеалистическомъ направленіи, которое одушевляетъ П. И. Астрова, Коммиссія, несомнѣнно, внесетъ много цѣннаго. Будучи канонистомъ, оппонентъ выражаетъ пожеланіе, чтобы Коммиссія въ ближайшемъ будущемъ приступила къ разработкѣ цѣлаго ряда насущныхъ вопросовъ церковнаго устройства, какъ, напр., вопроса о приходѣ. Составъ Коммиссіи крайне благопріятенъ для плодотворности ея работъ, такъ какъ совмѣщаетъ въ себѣ церковныхъ историковъ, канонистовъ и представителей юридической мысли.

И. Н. Сахаровъ находитъ нужнымъ подчеркнуть знаменательность момента, въ который Церковная коммиссія начинаетъ свою работу. До сихъ поръ церковные вопросы разрабатывались лишь въ узкомъ кругу спеціалистовъ, или своеобразно освѣщались лишь съ высоты церковныхъ каѳедръ. Теперь они самой жизнью вынесены на обсужденіе широкихъ массъ и въ обществѣ, и въ прессѣ, и въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Потому и наша Церковно-правовая коммиссія явилась какъ нельзя болѣе кстати; она идетъ навстрѣчу общественной потребности и хотѣла бы отвѣтить ей свободно и широко. Изъ вопросовъ очереднаго характера особенно остро стоитъ теперь вопросъ о положеніи инославныхъ исповѣданій, а также старообрядчества и сектантства, на разработку которыхъ Церковная коммиссія и должна обратить самое серьезное вниманіе.

Г. А. Рачинскій отъ всей души привѣтствуетъ призывъ референта къ мистическому углубленію, къ религіозному освѣщенію тѣхъ вопросовъ, которыми предстоитъ заниматься новой Коммиссіи,— то «горѣ имѣемъ сердца», которое звучитъ въ его обращеніи. Но религія — не только связь высшаго съ низшимъ, какъ говоритъ Чичеринъ, она — и творчество, теургія. Это творчество осуще-

ствляется, между прочимъ, и въ организаціи внѣшней жизни церкви на правовыхъ началахъ. Здѣсь церковь является законодательницею наравнѣ съ государствомъ. Но законодательство церкви не всегда было свободно отъ вліяній времени и среды, а главное — отъ давленія государства. Изслѣдованіе церковнаго права при свѣтѣ исторической науки, очищеніе его отъ всего наноснаго и временнаго, выдѣленіе чистаго зерна религіозно-правовой мысли, разработка на этой основѣ церковно-правовыхъ нормъ, а затѣмъ согласованіе ихъ съ правовыми нормами, установленными государствомъ и запросами жизни, — вотъ трудная, но достойная задача, разрѣшенію которой намъ предстоитъ посвятить свои силы.

А. И. Покровскій. «У меня возникаетъ опасеніе, что слишкомъ широкія и неуловимо эластичныя рамки философскаго доклада П. И. могли не вполнѣ удовлетворить юристовъ, какъ недостаточно онѣ удовлетворили и меня. Поэтому, я хотѣлъ бы, хоть отчасти, влить болѣе опредѣленное, конкретное содержаніе въ докладъ П. И. и внести въ него нѣкоторыя, по-моему, необходимыя поправки.

Я, прежде всего, не могу раздѣлить исходной точки зрѣнія П. И., по которой, если я правильно его понялъ, онъ всю суть церковной реформы сводитъ къ личности, къ ея нравственному углубленію и совершенству. Если эта точка зрѣнія и подходяща для философа и богослова, то едва ли она также пріемлема и для юриста. Вѣдь юристъ имѣетъ дѣло не столько съ личностью, сколько съ обществомъ — ubi societas, ibi jus. Стоя же на точкѣ зрѣнія личнаго начала, скорѣе можно прійти къ отрицанію всякаго обязательнаго права, что и дѣлалъ, напр., Л. Н. Толстой.

Несовсѣмъ согласенъ я также и со взглядомъ П. И. на ту роль, какую играетъ элементъ принудительности въ правѣ церковномъ и гражданскомъ. Принудительность имѣется и въ церковномъ правѣ — именно, моральная принудительность, которая нисколько не слабѣе и не хуже внѣшней полицейской принудительности. Наоборотъ, эта послѣдняя только тогда и получаетъ свое оправданіе и силу, когда покоится на первой. Такъ что, въ своихъ глубочайшихъ основаніяхъ, корни церковнаго и гражданскаго права одни и тѣ же.

Въ заключительной, конкретной части своего доклада П. И. затронулъ весьма важную проблему о взаимоотношеніи церкви и государства. Но онъ нисколько ея не выяснилъ и даже не коснулся перваго и самаго главнаго вопроса, раздѣляющаго всѣхъ нашихъ канонистовъ на двѣ школы: византистовъ и западниковъ. Это — должна ли церковь быть совершенно самостоятельна и

автономна, или же она лишь одинъ изъ подчиненныхъ органовъ государственной власти? Вотъ вопросъ, съ котораго, по моему мнѣнію, намъ слѣдуетъ начинать, такъ какъ отъ того или иного его рѣшенія стоитъ въ зависимости и все остальное въ работахъ нашей Коммиссіи».

И. М. Громогласовъ считаетъ весьма цѣнными два принципа, выдвинутыхъ докладчикомъ: это раскрытіе той мысли, что религія — безконечная цѣнность для личности; этимъ обосновывается принципъ религіозной свободы. Другое положеніе — о томъ, что государственная власть должна взять на себя охрану всякой религіи, выдвигаетъ второй принципъ — паритетъ вѣроисповѣданій, безъ котораго также не мыслима церковная реформа.

П. И. Астровъ въ отвѣтномъ словѣ своимъ оппонентамъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній лишь по адресу двухъ послѣднихъ. Г-ну Покровскому онъ отвѣтилъ, что и для него проблема о взаимоотношеніи церкви и государства кажется самой важной и рѣшающей, и одно время, онъ даже полагалъ выдвинуть ее въ своемъ докладѣ на болѣе видное мѣсто. Но затѣмъ отказался отъ этого намѣренія, такъ какъ цѣль его доклада — выясненіе лишь теоретическихъ предпосылокъ для работъ Церковной коммиссіи, а не указаніе ея практическихъ задачъ.

Г-ну Громогласову референтъ замѣтилъ, что онъ рѣшительно протестуетъ противъ указанія на то, чтобы въ его докладѣ существовала мысль о паритетѣ всѣхъ религіозныхъ исповѣданій. Такой паритетъ, скорѣй свидѣтельствовалъ бы о полномъ индиферентизмѣ, чего докладчикъ и самъ не защищаетъ и Церковной коммиссіи не рекомендуетъ.

А. Е. Вормсъ, закрывая собраніе, отмѣтилъ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія, что задачи, поставленныя Коммиссіей, докладчикомъ и участниками преній, уберегутъ ее отъ мелочности и кропотливаго внесенія поправокъ въ законопроекты. Но широта философскихъ проблемъ не помѣшаетъ при ихъ свѣтѣ заняться конкретными вопросами, которые ставятся современной дѣйствительностью.

Товарищъ Предсѣдателя Юридическаго Общества

А. Вормсъ.

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія коммиссіи по Церковному праву отъ 22 ноября 1911 года.

На засѣданіи присутствовалъ 21 членъ Коммиссіи, вмѣстѣ съ нѣсколькими приглашенными лицами. Засѣданіе открылъ Товарищъ Предсѣдателя Юридическаго Общества **А. Е. Вормсъ**, который предложилъ членамъ Церковно-правовой Коммиссіи произвести выборы своего президіума. По этому вопросу были сдѣланы два заявленія: одни члены настаивали на выборѣ полнаго президіума, въ составѣ пяти лицъ: предсѣдателя, двухъ его товарищей и двухъ секретарей; другіе предлагали ограничиться пока только тремя необходимыми членами — предсѣдателемъ, товарищемъ и секретаремъ. Рѣшено было выяснить этотъ вопросъ путемъ предварительной баллотировки кандидатовъ, которая дала показаніе въ смыслѣ сокращенныхъ выборовъ. На послѣдовавшей за тѣмъ баллотировкѣ президіума записками сравнительное большинство голосовъ получили: на должность Предсѣдателя — П. И. Астровъ (7 гол.), на должность его Товарища — И. Н. Сахаровъ (8 гол.) и на должность Секретаря — А. И. Покровскій (10 гол.).

Послѣ этого предсѣдательство въ засѣданіи перешло къ П. И. Астрову, который и далъ слово проф. **Н. А. Заозерскому** для его доклада на тему: «Что есть православный приходъ и чѣмъ онъ долженъ быть?».

Содержаніе обширнаго доклада г. **Заозерскаго** кратко можетъ быть передано такъ. Судя по работамъ Предсоборнаго присутствія, лучшіе знатоки нашихъ церковныхъ каноновъ и авторитетные представители церковной власти не могли дать точнаго, яснаго, исчерпывающаго опредѣленія, что̀ такое «церковный приходъ»? Ими было дано до семи различныхъ опредѣленій, одно количество которыхъ ясно говоритъ объ ихъ неудовлетворительности. Причина такого «банкротства» въ рѣшеніи основного, принципіальнаго вопроса кроется въ томъ, что ораторы Предсоборнаго присутствія, во-первыхъ, безнадежно путали: а) дѣйствующее право, б) фактическое положеніе приходовъ и в) каноническіе источники, и, во-вторыхъ, совершенно не различали церковно-соціальной природы прихода отъ его гражданско-юридическихъ нормъ.

По дѣйствующему праву, епархіи состоятъ изъ слѣдующихъ корпоративныхъ учрежденій съ правами юридическаго лица:

а) архіерейскій домъ, б) монастыри, в) церкви, г) присутственныя мѣста духовнаго вѣдомства. Всѣ эти учрежденія называются «установленіями», или «сословіями духовенства». Среди нихъ, какъ видимъ, совсѣмъ нѣтъ прихода, въ смыслѣ самостоятельной юридической единицы. Нашъ законъ, и гражданскій, и духовный, знаетъ лишь «церковь» или «храмъ», при которомъ можетъ быть прикрѣпленъ приходъ; но можетъ этого прикрѣпленія и не быть, какъ, напр., при нѣкоторыхъ городскихъ соборныхъ безприходныхъ церквахъ. Да и въ церквахъ съ приходами дѣйствующее законодательство строго различаетъ два элемента: причтъ и прихожанъ. Члены причта, къ которымъ относится и церковный староста — въ сущности, чиновныя лица, административно утверждаемыя и увольняемыя епархіальнымъ начальствомъ. Они — единственные полноправные хозяева и распорядители храма и прихода, отвѣтственные только предъ своимъ начальствомъ. Вся же остальная мірская масса членовъ церковнаго прихода не имѣетъ никакихъ правъ въ жизни своего прихода, а несетъ лишь однѣ обязанности. Имѣются только два исключенія, когда и эта безправная масса выступаетъ въ видѣ коллективной единицы: это — 1) при построеніи новой или капитальномъ ремонтѣ обветшавшей церкви и 2) при выборѣ церковнаго старосты. Но въ обоихъ этихъ случаяхъ приговоръ прихожанъ не имѣетъ самъ по себѣ законной силы и подлежитъ утвержденію епархіальной власти.

Итакъ, въ дѣйствующемъ законодательствѣ какъ бы узаконенъ полный разрывъ двухъ основныхъ элементовъ церковнаго прихода: клира и мірянъ. Клиръ или причтъ — это *все* въ современномъ приходѣ; а міряне — это просто прихожане, не имѣющіе никакого самостоятельно-активнаго участія въ жизни своего прихода. Причтъ — это правящій и служащій въ приходѣ классъ, а прихожане — классъ подчиненный, управляемый. Такое положеніе дѣла признано ненормальнымъ и требующимъ реформъ.

Были предложены три принципіально-различныхъ формулы такой реформы: а) православный приходъ есть прикрѣпленное къ церкви собраніе, въ опредѣленномъ числѣ православныхъ христіанъ; б) православный приходъ есть церковная община, правильно организованная и при приходской церкви состоящая, и в) православный приходъ, въ составѣ клира и мірянъ, есть церковная община, съ правами юридическаго лица. Главный недостатокъ перваго опредѣленія — что церковный приходъ есть собраніе прихожанъ, прикрѣпленное къ церкви — отсутствіе всякой организованности мірянъ. Оно рѣзко подчеркиваетъ разобщеніе между причтомъ и прихожанами и въ сущности, не вводитъ ничего но-

ваго, а санкціонируетъ status quo. А между тѣмъ, этотъ status и не старъ и не канониченъ. Уставъ Духовной Консисторіи 1841 г. — плодъ бюрократическаго творчества, и приноровленъ къ тогдашнему положенію о губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ.

Еще болѣе наивны мнѣнія тѣхъ защитниковъ консисторскаго прихода, которые думаютъ вдохнуть въ него жизнь призывами къ внутреннему самоисправленію (Бердниковъ, архіеп. Дмитрій, Антоній Волынскій и др.).

Вторая принципіальная реформа — православный приходъ, какъ правильно организованная община, при церкви состоящая (А. А. Папковъ) — пользовалась наибольшими симпатіями. Идея ея не нова — это проектъ приходскихъ совѣтовъ, по уставу 1859 г. (графа Муравьева-Амурскаго), «правила о церковныхъ совѣтахъ въ округахъ южныхъ поселеній» 1860 г. и аналогичныя правила для церковныхъ совѣтовъ въ губерніяхъ Виленской и западныхъ, вообще, 1864 г. Идея всѣхъ этихъ трехъ, родственныхъ проектовъ, одна — привлечь мірянъ къ активной приходской работѣ. «Церковные совѣты» составлялись изъ лучшихъ выборныхъ домохозяевъ прихода, отъ 4 до 8, въ зависимости отъ величины прихода. Къ нимъ, по должности, присоединялись: 1) приходскій священникъ, 2) волостной старшина, 3) церковный староста и 4) сельскій учитель. Списокъ избранныхъ членовъ доводился до свѣдѣнія епархіальнаго начальства и мѣстной гражданской власти. Церковный совѣтъ завѣдывалъ всѣми церковно-приходскими суммами и всѣми экономическо-хозяйственными и благотворительными дѣлами своего прихода. Онъ пользовался церковной печатью и состоялъ подъ ближайшимъ контролемъ мѣстной волостной и губернской администраціи. Это послѣднее обстоятельство и погубило все дѣло: въ организаціи «Церковныхъ совѣтовъ» было усмотрѣно «подавленіе церковной стихіи и преобладаніе стихіи мірской», и вышеозначенные три проекта были замѣнены общимъ «Положеніемъ о приходскихъ попечительствахъ при церквахъ» 1864 г. Въ 8-й ст. Положенія попечительства опредѣлены, какъ «учрежденія общественныя». Это — хорошо. Но не хорошо то, что приходскія попечительства самымъ своимъ уставомъ какъ бы были отдѣлены отъ церкви. Они существуютъ лишь п р и церкви, какъ ея внѣшній придатокъ, а не въ самой церкви, не какъ необходимый ея элементъ. Попечительства, слѣдовательно, ни на іоту не раздвинули той юридической преграды, которая въ дѣйствующемъ законодательствѣ стоитъ у насъ между церковью и приходомъ. Особенно характерна 15-я ст. Положенія о попечительствахъ, гдѣ говорится, что въ приходахъ, гдѣ полная организація выборнаго попечитель-

ства не удобна или не возможна, его роль можетъ быть предоставлена одному лицу.

Итакъ, рознь между причтомъ и прихожанами осталась и росла. Къ 1905 г. она особенно обострилась, благодаря усиленному отливу мѣстныхъ приходскихъ средствъ на содержаніе духовенства и его сословныхъ школъ, и благодаря почти полному разобщенію образованнаго и сравнительно обезпеченнаго пастыря съ жизнью его невѣжественныхъ, темныхъ и бѣдныхъ прихожанъ.

Возвращеніе Св. Синода къ покинутой имъ идеѣ «Церковныхъ совѣтовъ» замѣтно и въ ноябрьскомъ указѣ 1905 г. о безотлагательномъ устройствѣ «Церковно-приходскихъ совѣтовъ». Однако, эта уступка освободительному движенію вскорѣ же была признана нежелательной и встрѣтила себѣ многочисленныя возраженія. Сильнѣе всего заговорила боязнь чисто-экономическаго краха: всѣ приходскія средства получатъ — мѣстное назначеніе и не на что будетъ содержать учрежденія центральнаго вѣдомства и сословную школу. Указывали, далѣе, и на подрывъ епископско-пастырскаго авторитета, на сколокъ съ протестантскаго устройства общины и на увлеченіе демократическимъ духомъ вообще. Противники такого мнимо-протестантскаго устройства церковнаго прихода проявляли чисто-католическія вожделѣнія, когда говорили объ исключительной монополіи епископа и причта даже и во всѣхъ хозяйственно-экономическихъ дѣлахъ церкви (профессоръ Бердниковъ: «епископу, яко Богу назирающу»).

Истина лежитъ посрединѣ между этими двумя крайними воззрѣніями. На языкѣ дохристіанской древности, Свящ. писанія и древнихъ каноновъ — терминъ «церковь» имѣетъ двоякое значеніе: и какъ «храмъ» и какъ «общество людей», собирающихся въ одномъ храмѣ («малая церковь» - приходъ). Еще яснѣе раскрывается это въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ и ирмосахъ, изъ которыхъ слѣдуетъ полная взаимозамѣняемость терминовъ «церковь» и «приходъ». Такого отождествленія ихъ строго держалась и наша древняя благочестивая Русь. По многимъ законодательно-юридическимъ и историческимъ памятникамъ древней Руси мы видимъ, что церкви, или храмы, трактовались полноправными юридическими единицами, неразрывно съ которыми мыслилась и вся приходская община, объединявшаяся въ этомъ храмѣ. Таковы, напримѣръ, жалованныя грамоты нашихъ князей различнымъ соборамъ и церквамъ — десятинной церкви, церкви Св. Софіи, Іоанна Предтечи на Опокахъ и др. Въ этихъ памятникахъ нерѣдко дается и упоминаніе «о лучшихъ, выборныхъ людяхъ», на которыхъ лежала забота о храненіи и употребленіи церковно-приходскаго

имущества. Церковное имущество никогда не считалось собственностью духовенства. Это было — согласно канонамъ — даже и по указу Петра Великаго, прежде всего, «нищихъ имѣнія». А у насъ, въ настоящее время, церковное имущество почти вовсе не имѣетъ такого употребленія, а идетъ въ огромной пропорціи на чисто-сословныя нужды. Ужаснымъ холодомъ вѣетъ отъ такой церковности!

Нѣтъ никакихъ — ни каноническихъ, ни историческихъ основаній отстранять мірянъ отъ управленія церковнымъ имуществомъ. Правда, въ древней церкви и этой стороной преимущественно завѣдывало духовенство. Но нельзя забывать, что духовенство тогда было выборнымъ и что, слѣдовательно, на членовъ духовенства можно было смотрѣть, какъ на излюбленныхъ представителей всей общины. Не то теперь у насъ, когда духовенство — все административно назначаемое и особенно, когда между этимъ духовенствомъ и рядовой массой прихожанъ идетъ то глухая, то открытая вражда, между прочимъ, и на этой чисто-экономической почвѣ.

Словомъ, у насъ, въ Россіи, теперешняя практика — и не канонична и не исторична. Необходимо, слѣдуя духу каноновъ и примѣру древне-русскаго прихода, возстановить и у насъ церковный приходъ съ выборнымъ совѣтомъ изъ «лучшихъ людей». При этомъ возстановленіи прихода, совершенно мирно и безобидно можно раздѣлить права и обязанности духовенства и мірянъ. Духовенству пусть принадлежитъ исключительная роль въ пастырскомъ душепопеченіи, въ религіозно-благодатномъ сооруженіи прихода (служеніе евангельской Маріи). Мірянамъ же должно быть предоставлено преимущественное право вѣдать всѣ хозяйственныя, судебныя, благотворительныя, вообще, матеріально-экономическія дѣла (служеніе Марѳы).

Такое распредѣленіе приходскихъ дѣлъ и возстановленіе настоящаго, живого прихода было бы вполнѣ согласно съ канонами, и вполнѣ отвѣчало бы нашему древне-русскому, національному укладу приходской жизни.

По окончаніи доклада проф. Заозерскаго, предсѣдатель Коммиссіи поставилъ вопросъ — желательно ли тотчасъ обсуждать выслушанный докладъ, или же, въ виду поздняго времени, лучше отнести это на слѣдующее засѣданіе?

Секретарь Коммиссіи внесъ мотивированное предложеніе за вторую часть альтернативы, съ чѣмъ и согласилось все собраніе.

Предсѣдатель коммиссіи
по Церковному праву ***П. Астровъ.***

Секретарь ***А. Покровскій.***

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія коммиссіи по Церковному праву отъ 2 декабря 1911 года.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ П. И. Астрова въ составѣ 17 членовъ Коммиссіи, вмѣстѣ съ нѣсколькими приглашенными лицами. Оно было открыто чтеніемъ протокола предыдущаго засѣданія, въ которомъ подробно излагался рефератъ проф. Н. А. Заозерскаго «Что есть православный современный приходъ и чѣмъ онъ долженъ быть?», для обсужденія котораго было созвано и это новое собраніе Церковной коммиссіи. Послѣ двухъ небольшихъ корректурныхъ поправокъ, протоколъ былъ утвержденъ и предсѣдатель предложилъ желающимъ высказаться о докладѣ г. Заозерскаго. На это отозвался, прежде всего, протоіерей В. Ѳ. Соболевъ.

Сущность почти получасовой горячей рѣчи **о. Соболева** кратко можетъ быть выражена въ слѣдующемъ. Проф. Заозерскій весь свой докладъ посвятилъ лишь одной — в н ѣ ш н е й сторонѣ прихода и потому пришелъ къ самымъ безотраднымъ выводамъ о современномъ приходѣ, близко напоминающимъ и отзывы о немъ старообрядцевъ, что-де въ православной церкви «заключенъ кладезь», отъ нея отлетѣла душа. Главная ошибка почтеннаго докладчика состоитъ въ томъ, что онъ совершенно игнорировалъ другую, важнѣйшую сторону въ жизни современнаго прихода — его внутренне-религіозное содержаніе. Приходская жизнь движется не внѣшними стимулами, а внутренней религіозностью и братской любовью. И далѣе о. протоіерей иллюстрировалъ эту мысль многочисленными житейскими примѣрами изъ личной, тридцатилѣтней пастырской практики, говорящими о томъ, что и религіозная настроенность, и просвѣщеніе, и благотворительность стоятъ въ нашихъ современныхъ приходахъ очень высоко и не заслуживаютъ какихъ-либо нареканій. Конечно, продолжалъ оппонентъ, извѣстное раздѣленіе въ нашемъ приходѣ существуетъ. Но подобныя раздѣленія были и при апостолахъ, и сильнѣе всего замѣчались въ четвертомъ, цвѣтущемъ вѣкѣ церковной исторіи. Отсюда, на всѣ подобные раздѣленія и споры надо смотрѣть не какъ на доказательство ослабленія или распада церкви, а скорѣе наоборотъ, какъ на свидѣтельство ея силы и духовнаго роста. Наша современная церковь и наше пастырство идетъ crescendo, проявляя самую интенсивную работу. Результатомъ этого и являются различныя

тлетворныя начала,—печальный, но неизбѣжный продуктъ всякой интенсивной, жизнедѣятельной работы. Но этимъ смущаться не слѣдуетъ, и въ особенности не слѣдуетъ прибѣгать къ опаснымъ, внѣшнимъ реформамъ прихода. Изъ этихъ внѣшнихъ общественно-приходскихъ реформъ оппонентъ едва ли не самой опасной считаетъ выборное начало духовенства. «Просвѣщенный человѣкъ — выразился о. протоіерей — не пойдетъ на эти выборы и они будутъ производиться темными личностями, чуть ли не въ грязномъ кабакѣ». Попутно оппонентъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній и по поводу недавно выслушаннаго имъ на ту же тему доклада г. Папкова, въ которомъ его особенно поразило заявленіе г. Папкова, что 93% приходскихъ суммъ отбираются центральнымъ вѣдомствомъ. Какъ бывшій членъ консисторіи, оппонентъ рѣшительно утверждаетъ, что такой процентъ преувеличенъ г. Папковымъ чуть ли не впятеро. Приведя еще нѣсколько цитатъ изъ Достоевскаго и другихъ авторовъ, оппонентъ закончилъ тѣмъ, что все дѣло церковнаго прихода не въ формѣ, а въ пастырской любви. Мы всѣ виновны въ недостаткахъ современной жизни: нужно общее покаяніе и исправленіе, а не какія-либо внѣшнія реформы.

Отвѣчая этому оппоненту, проф. **Заозерскій** заявилъ, что сердцемъ онъ вполнѣ согласенъ съ нимъ; но вся бѣда въ томъ, что длинная, одушевленная рѣчь о. Соболева ни однимъ словомъ не задѣваетъ темы доклада. Оппонентъ все время говорилъ о внутренней сторонѣ церковно-приходской жизни, частнѣе, даже, о чисто-пастырскихъ переживаніяхъ. Докладъ же имѣлъ прямой своей задачей освѣтить внѣшній строй церковно-приходскаго уклада, какъ онъ представляется въ текущей литературѣ и въ работахъ Предсоборнаго присутствія. Поэтому, не отрицая справедливости многихъ заявленій о. протоіерея, докладчикъ просто отстраняетъ ихъ отъ себя, какъ не относящіяся къ его докладу.

Второй оппонентъ — **Н. П. Поповъ** — исходнымъ пунктомъ своихъ возраженій взялъ неопредѣленность понятія о церкви. Прежде, чѣмъ говорить о церковномъ приходѣ, необходимо имѣть ясныя, опредѣленныя понятія о церковной жизни и о самой церкви. Но что такое церковь? Есть ли она только ученіе или и организація? — это у насъ не выяснено, и въ докладѣ не опредѣлено. По взгляду самого оппонента, церковь — не столько внѣшняя организація, сколько извѣстное внутреннее настроеніе, такъ сказать, религіозное горѣніе ея членовъ. У насъ же, наоборотъ, преобладаетъ внѣшнее пониманіе церкви и церковной жизни, та «матеріализація святости», которая центръ тяжести съ внутренняго человѣка переноситъ на внѣшняго, суть религіи полагаетъ въ обрядахъ — и

въ этомъ главное зло. Въ частности, не нравится оппоненту и самый терминъ «приходъ», какъ слишкомъ внѣшній и холодный, который онъ предложилъ бы замѣнить другимъ, болѣе симпатичнымъ и сильнѣе говорящимъ чувству терминомъ «братчина, или братство». Братства оставили глубокій слѣдъ въ нашей исторіи, а по мѣстамъ они и до сихъ поръ бытуютъ въ разныхъ уголкахъ Руси.

Проф. **Заозерскій** не согласенъ съ оппонентомъ и заявляетъ, что онъ сознательно не оперируетъ съ понятіемъ «церковь», такъ какъ онъ говоритъ, какъ канонистъ, который не обязанъ самостоятельно добывать подобныя опредѣленія, а долженъ брать ихъ въ готовомъ видѣ изъ другихъ, спеціальныхъ, богословскихъ дисциплинъ. Въ частности, ясное, исчерпывающее опредѣленіе церкви дано еще въ Катехизисѣ и оно должно быть извѣстно каждому школьнику. Не понятны докладчику также и упреки оппонента въ «матеріализаціи святости», въ гипертрофіи обряда, вообще, внѣшности. Все, что говорится объ этомъ въ докладѣ, взято, преимущественно, изъ древне-русскаго прихода, и даже наиболѣе соблазнительное въ этомъ смыслѣ выраженіе доклада, что міряне «сооружали церковь» — представляетъ буквальную выдержку изъ дѣяній Стоглаваго собора, имѣющихъ важное церковно-государственное значеніе.

Говорившій третьимъ **А. И. Покровскій** началъ съ заявленія о полной принципіальной солидарности со всѣми тезисами доклада, которые для ихъ большей убѣдительности нуждаются развѣ лишь въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ и усиленіяхъ. Въ докладѣ проф. Заозерскаго два главныхъ, центральныхъ пункта — 1) вопросъ о взаимоотношеніи клира и мірянъ и 2) вопросъ о субъектѣ церковнаго имущества. По обоимъ этимъ вопросамъ оппонентъ хотѣлъ бы видѣть въ докладѣ болѣе сильную, каноническую критику тѣхъ, чисто католическихъ вожделѣній, которыя господствуютъ въ кругахъ нашей современной правящей іерархіи, проникнутой откровенными тенденціями клерикализма и даже ультрамонтанства, и неканонично узурпирующей законныя права мірянъ. Здѣсь слѣдовало бы вспомнить и о забытомъ теперь фундаментѣ «соборности церкви», и о практикѣ древней церкви первыхъ трехъ вѣковъ, и о голосѣ вселенской церкви, говорившей устами своихъ лучшихъ представителей — Игнатія Богоносца, Кипріана, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Исидора Пелусіота, Амвросія Медіоланскаго и др., до «окружного посланія восточныхъ патріарховъ» 1848 года, включительно. По второму вопросу — о монопольномъ захватѣ нашей іерархіей всего

церковнаго имущества, г. Покровскій привелъ, прежде всего, выдержку изъ курса авторитетнаго канониста еп. Никодима, рѣшительно осуждающаго эту антиканоническую практику русской церковной жизни. Затѣмъ, онъ указалъ и прокомментировалъ рядъ каноновъ, ограничивающихъ даже права епископа въ управленіи церковнымъ имуществомъ и ставящихъ ихъ подъ извѣстный церковно-общественный контроль (Апостольскія постановленія, Антіохійскаго собора, 24—25 пр., IV всел. собора — должность «Эконома», VII с., 12 пр. Кодексъ Юстиніана, 62 новелла, 2 глава и 131 новелаа, 9 гл. и др.). Да и съ практической точки зрѣнія, оппонентъ находилъ вопросъ объ имущественно-матеріальномъ правѣ особенно щекотливымъ для іерархіи, такъ какъ онъ является наиболѣе спорнымъ въ настоящее время и наименѣе отвѣчающимъ и д е й н ы м ъ задачамъ пастырства.

Другимъ, еще болѣе важнымъ и даже непонятнымъ опущеніемъ въ докладѣ проф. Заозерскаго г. Покровскій считаетъ полное его умолчаніе объ устройствѣ церковнаго прихода на всемъ современномъ православномъ Востокѣ. Авторъ идеализируетъ древнерусскій приходъ, игнорируя даже нѣкоторыя слабыя его стороны, напр., хотя бы устраненіе духовенства отъ активной жизни прихода и превращеніе его въ какихъ-то кочующихъ наймитовъ. И онъ всегда рискуетъ услыхать упрекъ, что уже и было въ рѣчи перваго оппонента—«зачѣмъ тревожить старыя, давно забытыя историческія тѣни?» Уже въ силу одного этого ему прямо необходимо было обратиться и къ современности — къ жизни всей остальной восточно-православной церкви, часть которой составляетъ и наша русская церковь. И здѣсь, въ устройствѣ и организаціи церковнаго прихода на всемъ православномъ Востокѣ онъ нашелъ бы еще лучшій и болѣе отвѣчающій духу времени образецъ, чѣмъ даже въ древне-русскомъ приходѣ. Умолчаніе это тѣмъ болѣе непонятно, что въ другомъ капитальномъ своемъ трудѣ («О церковной власти») авторъ весьма сочувственно отзывается о представительно-церковномъ строѣ православнаго Востока и видитъ въ немъ наиболѣе удачное сочетаніе основныхъ каноническихъ требованій съ запросами и нуждами современности. Наконецъ, г. Покровскій указалъ на излишне рѣзкое разграниченіе докладчикомъ двухъ сторонъ церковно-приходской жизни: духовно-учительной и хозяйственно-административной. Едва ли было бы и справедливо и практично всецѣло устранять мірянъ отъ церковнаго учительства: тогда пришлось бы пожертвовать не только такими авторитетами, какъ Хомяковъ, Аксаковъ, Самаринъ, Вл. Соловьевъ, но и всѣми свѣтскими профессорами-богословами и самими церковными канонистами,

въ большинствѣ не принадлежащими, какъ и самъ почтенный докладчикъ, къ составу клира. Еще менѣе, конечно, и историко-каноническихъ, и житейско-практическихъ основаній отстранять членовъ клира отъ хозяйственно-административныхъ заботъ по благоустройству церковно-приходской жизни. Во всѣхъ сторонахъ церковной жизни нужна одинаково активная работа всѣхъ членовъ прихода, какъ клириковъ, такъ и мірянъ, въ мѣру силъ и способностей каждаго изъ нихъ, при должномъ уваженіи къ благодатнымъ полномочіямъ іерархіи, но безъ ея тенденціозныхъ, клерикальныхъ притязаній. Въ этомъ отношеніи намъ нисколько не зазорно будетъ поучиться у нашихъ старообрядцевъ, гдѣ церковно-приходская община настолько живуча и сильна, что она одна могла вынести цѣлые вѣка гоненій и дожила до лучшихъ дней.

Отвѣчая этому оппоненту, докладчикъ заявилъ, что онъ рѣшительно признаетъ серіозность всѣхъ внесенныхъ поправокъ, и попытается только кое-что сказать въ свое оправданіе. Что я мало распространяюсь о характерѣ церковной соборности, говорилъ проф. Заозерскій — это, конечно, вѣрно; но произошло это потому, что главной темой моего доклада служитъ лишь принципіальная важность хозяйственныхъ дѣлъ прихода, а не выясненіе самой природы церкви и всѣхъ вытекающихъ отсюда слѣдствій. Вполнѣ признаю я также и упрекъ въ пропускѣ указаній на современный православный Востокъ. Но я допустилъ его не потому, чтобы не сочувствовалъ данному образцу: мое полное сочувствіе ему выражено въ другой моей работѣ, на которую и была сдѣлана здѣсь ссылка оппонентомъ. А въ настоящемъ докладѣ я умолчалъ объ этомъ потому, что предназначаю свой докладъ, главнымъ образомъ, для нашихъ упорствующихъ іерарховъ, для которыхъ ссылка на современный Востокъ — не убѣдительна, такъ какъ они считаютъ этотъ Востокъ утратившимъ чистоту древляго православія и уклонившимся по пути протестантизма, по крайней мѣрѣ, въ данномъ отношеніи. Считаясь съ такой психологіей нашей правящей іерархіи, я и обращался лишь къ такимъ аргументамъ, которые имѣютъ вѣсъ въ ихъ глазахъ. Вотъ почему я съ особенной силой указываю на наши богослужебные каноны и ирмосы, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ службѣ на обновленіе храма, — откуда я, главнымъ образомъ, черпалъ свои примѣры — и находится нужное для меня опредѣленіе церкви.

Слѣдующій оппонентъ **о. Филиппъ Горбаневскій** привелъ нѣсколько историческихъ и жизненно-практическихъ аргументовъ въ защиту такъ называемаго «выборнаго начала» духовенства. Наблюдаемый въ настоящее время разрывъ между пастырями и

паствой, несомнѣнно, по его мнѣнію, значительно бы сгладился, если бы пастыри имѣли корень въ самой своей паствѣ, т.-е. были бы ея излюбленными, выборными людьми. Большой вредъ для современной церковной жизни это — кочующіе пастыри и архипастыри, и стѣсненіе свободы для проявленія чувствъ взаимной любви пастыря и его прихода.

Проф. **Заозерскій**, соглашаясь съ о. Горбаневскимъ по вопросу о выборномъ началѣ духовенства, обставленномъ, конечно, извѣстными гарантіями, замѣтилъ, что въ настоящемъ своемъ докладѣ, преслѣдующемъ иныя цѣли, онъ не имѣлъ пока возможности коснуться этого важнаго вопроса. Но что подробное разсмотрѣніе и мотивировка его составитъ спеціальный предметъ одной изъ слѣдующихъ его статей, которыя явятся прямымъ продолженіемъ обсуждаемаго доклада.

Говорившій затѣмъ проф. **В. А. Соколовъ** началъ со слова благодарности уважаемому докладчику за то, что онъ такъ своевременно выступилъ съ докладомъ о приходскомъ вопросѣ и такъ обстоятельно его выяснилъ. Послѣдній, только-что вышедшій нумеръ «Церковнаго Вѣстника» извѣщаетъ, что Св. Синодъ торопится закончить свой проектъ реформы церковнаго прихода. Но составленный имъ проектъ такого рода, что онъ, по сознанію «Церковнаго Вѣстника», не удовлетворяетъ большинства Государственной Думы, имѣющей свой, болѣе широкій проектъ приходской реформы. Такъ что рефератъ проф. Заозерскаго является какъ нельзя болѣе кстати и помогаетъ выясненію сложнаго вопроса. Съ основными положеніями доклада — говорилъ далѣе проф. Соколовъ — я согласенъ, и лишь попросилъ бы разъясненія, какъ у самого докладчика, такъ и у нашихъ членовъ — компетентныхъ юристовъ — по одному, чисто юридическому вопросу. Вопросъ этотъ навѣянъ одной брошюрой, въ которой излагается дѣло Сумскаго окружнаго суда въ ноябрѣ 1902 года, опротестовавшаго отказъ нотаріуса написать дарственную запись на участокъ земли, пожертвованной г. Шечковымъ въ гор. Путивлѣ одному церковному приходу. Своимъ постановленіемъ судъ, слѣдовательно, призналъ и по дѣйствующимъ законамъ, приходъ за юридическое лицо. Слѣдовательно, намъ, быть-можетъ, и не надо создавать новаго закона, а надо воскресить имѣющійся, но почему-либо атрофировавшійся.

Проф. **Заозерскій** въ отвѣтъ на это заявилъ, что все это дѣло ему прекрасно знакомо, такъ какъ съ нимъ много въ свое время носился г. Папковъ. Но изъ единичнаго факта еще не выкроишь закона. Сумскій окружной судъ поступилъ неправильно съ точки

зрѣнія существующихъ законовъ и если бы нашлись охотники кассировать это рѣшеніе, то Сенатъ, несомнѣнно, его отмѣнилъ бы, какъ незаконное.

По тому же вопросу болѣе подробно высказался еще и членъ суда — **В. С. Малченко.** По дѣйствующему закону — говорилъ онъ, образованіе юридическаго лица обусловлено тремя необходимыми принципами: санкціей власти, установленной организаціей и цѣлью — задачей существованія. Ни одного изъ этихъ условій приходъ не имѣетъ. Еще можно бы, пожалуй, съ юридической стороны примириться съ отсутствіемъ санкціи, въ виду исконнаго существованія прихода, если бы налицо были остальныя условія, sine qua non. Но ни составъ, ни представительство, ни пути дѣятельности прихода, вѣдь, не опредѣлены ни писанной, ни по преданію конституціей, даже хотя бы въ той степени, какъ то сдѣлано въ положеніи о церковно-приходскихъ попечительствахъ 1864 года. Только отъ законодателя остается ожидать учрежденія юридической структуры православнаго прихода. Попытка же судебнымъ рѣшеніемъ конструировать приходъ, какъ юридическое лицо, во-первыхъ, не свойственна русскому юридическому укладу; во-вторыхъ, обречена на неудачу по той, главнымъ образомъ, причинѣ, что, вѣдь, цѣль юридической жизни прихода у насъ — дѣло весьма спорное. Каждый здѣсь имѣетъ свое желаніе и нѣтъ общей сладившейся въ церковной жизни соглашенности относительно цѣли юридической личности прихода. Внесеніе по опредѣленію Сумскаго окружнаго суда въ крѣпостной реестръ перехода права собственности четверти десятины земли къ одному изъ приходовъ Путивльскаго уѣзда нельзя считать правильнымъ, а мотивы — удовлетворительными. Особенно они слабы въ вопросѣ о цѣли юридической жизни прихода.

Затѣмъ сдѣлалъ нѣсколько, основанныхъ на своей пастырской практикѣ, заявленій о. **И. И. Кедровъ.** Душой онъ глубоко сочувствуетъ основной мысли доклада — активному участію въ жизни прихода всѣхъ наличныхъ его членовъ. Онъ готовъ даже пойти нѣсколько дальше докладчика — распространить это право и на женщинъ, изъ рядовъ которыхъ, безъ сомнѣнія, можно получить немало цѣнныхъ и полезныхъ работницъ, въ особенности, въ области благотворенія и ухода за больными. Знаетъ онъ, что все это вполнѣ возможно организовать, и что подобная организація кой-гдѣ по мѣстамъ уже и существуетъ. Но гораздо труднѣе добиться юридической санкціи для того, чтобы ее оформить. О. Кедрову хорошо извѣстна одна изъ попытокъ въ этомъ родѣ, которая, сначала, встрѣчена была холоднымъ вопросомъ высшаго начальства:

«а кому это нужно — священнику, или приходу?» А затѣмъ и вовсе была отклонена. Вотъ гдѣ, слѣдовательно, главный тормазъ всѣмъ благимъ приходскимъ начинаніямъ. Здѣсь царитъ боязнь гласности и контроля; но это — совершенно напрасное опасеніе тамъ, гдѣ дѣло ведется искренно и чисто.

Заключая затянувшуюся бесѣду, предсѣдатель Коммиссіи — **Н. И. Астровъ** въ своемъ резюмэ высказалъ полное удовлетвореніе, какъ отъ самого доклада, такъ и отъ возбужденныхъ имъ преній. Обиліе и оживленность этихъ преній объясняются, какъ важностью и глубокой жизненностью затронутаго вопроса, такъ и неодинаковостью исходныхъ точекъ зрѣнія у докладчика и у большинства его оппонентовъ. Докладчикъ поставилъ себѣ довольно узкую и опредѣленную тему — выяснить желательную организацію церковнаго прихода съ точки зрѣнія церковныхъ каноновъ и древне-русской національной старины. Оппоненты же часто стремились расширить рамки вопроса и говорили о своихъ положительныхъ дезидератахъ устройства церковнаго прихода, въ условіяхъ современной жизни. Но это, строго говоря, выходило а предѣлы настоящаго доклада и должно составить предметъ зашей дальнѣйшей работы въ томъ же направленіи. Проф. Заозерскій расчистилъ для насъ почву — далъ сильную и убѣдительную критику господствующихъ въ современной іерархіи неправильныхъ взглядовъ на каноническо-историческую природу церковнаго прихода. Теперь у насъ на очереди положительная конструкція прихода, сложная разработка его съ различныхъ другихъ сторонъ — религіозной, юридической, экономической, чисто-бытовой и т. п. Остается пожелать, чтобы и эти стороны церковно-приходской жизни нашли для себя такихъ же талантливыхъ спеціалистовъ, какъ опытный канонистъ проф. Заозерскій, которому предсѣдатель и предложилъ выразить глубокую благодарность отъ лица всего собранія.

Предсѣдатель Церковно-правовой
коммиссіи ***П. Астровъ.***

Секретарь ***А. Покровскій.***

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія коммиссіи по Церковному праву при Московскомъ Юридическомъ Обществѣ отъ 14 февраля 1912 года.

Въ составѣ Коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ И. Н. Сахарова, (товарища предсѣдателя) присутствовало четырнадцать членовъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими приглашенными лицами.

Засѣданіе открыто было рефератомъ дѣйствительнаго члена Общества свящ. **Н. В. Цвѣткова,** подъ заглавіемъ «Реформа приходской жизни». Содержаніе его въ сжатомъ видѣ таково. Когда поднимаются рѣчи о реформѣ чего-либо, то предъ сознаніемъ встаютъ два возможныхъ ея пути: реформа можетъ быть «революціонной»,— состоять въ коренной ломкѣ существующаго и въ полномъ, радикальномъ его переустройствѣ; и она можетъ быть «эволюціонной» — состоять только въ дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи того, что уже дано и имѣется. Церковная реформа — реформа второго типа. Никакого новаго пониманія Евангелія и церкви намъ не нужно: нужно лишь выяснить причины церковнаго разложенія и указать пути его желательнаго возрожденія. Каковы нормальныя условія правильнаго функціонированія церковнаго организма и каковы должны быть внѣшнія формы для его выраженія? Вотъ два главныхъ пункта всей церковной реформы. Въ церковной жизни главное, это — не тѣ, или иныя внѣшнія рамки, а внутренній оживляющій ее духъ. Ни самъ основатель новозавѣтной церкви — Іисусъ Христосъ, ни апостолы — не оставили намъ никакихъ опредѣленныхъ внѣшнихъ рамокъ церковнаго строя. Древнецерковные памятники такъ же мало говорятъ объ этомъ и, въ частности, совсѣмъ не знаютъ церковнаго прихода. Тѣ церковные каноны и правила, которые опредѣлили собой внѣшнюю организацію церкви, появились лишь значительно позднѣе, и ужъ по одному тому не могутъ претендовать на значеніе чего-то безусловно необходимаго для бытія церкви, или чего-либо абсолютнаго и неизмѣнно вѣчнаго. Наоборотъ, живая и дѣйствующая церковь всегда въ правѣ измѣнить или даже вовсе отмѣнить «старый канонъ» и составить новый, лучшій «канонъ». И потребность въ составленіи такого канона въ наше время окончательно назрѣла. Объ этомъ не только настойчиво говоритъ вся просвѣщенная духовная и свѣтская печать, но и такой осторожный и консервативный церковно-

государственный политикъ, какъ покойный К. П. Побѣдоносцевъ, который о реформѣ церковнаго прихода выразился такъ, что «дѣло это первостепенной важности для церкви и для государства». Но самъ-то онъ началъ это дѣло старымъ, привычнымъ для него, бюрократическимъ путемъ, затребовавъ, сначала, такъ называемые «отзывы епархіальныхъ архіереевъ» о желательныхъ реформахъ церкви, а затѣмъ собравъ для разработки ихъ особую коммиссію, извѣстную подъ именемъ «Предсоборнаго присутствія».

Иной, болѣе свободный и широкій путь освѣщенія церковной реформы намѣчался тогда лучшими представителями общества, изъ среды котораго раздавались громкіе голоса. что нужно одновременно во всѣхъ епархіяхъ созвать епархіальные съѣзды изъ духовенства и мірянъ и на нихъ выработать опредѣленныя пожеланія, которыя, потомъ, должны быть приведены къ извѣстному единству.

Къ сожалѣнію, реформа церковной жизни пошла не по второму, общественному, а по первому бюрократическому пути и принесла лишь горькіе плоды. Для примѣра можно указать хотя бы на проектъ о приходѣ Московской епархіи, который представляетъ крупный шагъ назадъ даже по сравненію съ уставомъ о церковно-приходскихъ попечительствахъ 1864 года, такъ какъ въ немъ все дѣло прихода отдается въ руки настоятеля прихода, обязаннаго считаться съ инструкціями благочиннаго и консисторіи, т.-е. съ видами и усмотрѣніями начальства, а не съ пожеланіями самой приходской общины.

Приблизительно подобнаго же характера и всѣ другіе послѣдующіе проекты реформы церковно-приходской жизни, не исключая и послѣдняго, октябристскаго проекта Государственной Думы. Всѣ они, въ лучшемъ случаѣ, лишь новыя заплаты къ старой одеждѣ, новое, и далеко еще недоброкачественное вино, вливаемое въ старые мѣхи. Для жизненности церковной реформы, нужно внутреннее обновленіе, по слову Іоанна Златоуста «доколѣ ученики не обновятся, дотолѣ нельзя предлагать имъ высокаго ученія». Нашей церковной жизни не хватаетъ самаго насущнаго и главнаго — подлинной, живой религіозности: «у насъ», по выраженію В. Эрна, «боятся во главу угла поставить живого Христа». Намъ нужна совершенно новая обстановка — внутренняя христіанизація прихода, которая сама повлечетъ за собой и соотвѣтствующую внѣшнюю организацію.

Противъ этого выставляютъ возраженія, въ которыхъ слышна старая, фарисейская закваска. Говорятъ, никакихъ внѣшнихъ реформъ прихода и не нужно — нужны лишь новые, одушевленные

пастыри «духомъ горящіе, Господеви работающіе». Или еще: «такое преображеніе церковной жизни, говорятъ, не подъ силу одному приходу, тутъ нужна вселенская работа всего церковнаго общества». Все это — лицемѣрныя и вредныя рѣчи. Конечно, ни въ какомъ случаѣ не надо новую церковную жизнь укладывать въ тѣсныя, строгія рамки, да еще съ остатками стараго духа. Если мы, напр., заведя новую приходскую книгу будемъ давать по ней справки гражданскому начальству, то введемъ лишь новый видъ полицейской неблагонадежности и въ корнѣ убъемъ благое начинаніе. Нужно дѣйствовать умѣло и осторожно: необходимы, на первыхъ порахъ, лишь зачатки новой регламентаціи; а всего болѣе необходимъ совершенно новый общественно-церковный духъ, который поднималъ бы на соотвѣтствующую высоту достоинство каждой отдѣльной личности и велъ бы къ живому объединенію ихъ въ тѣсный братскій союзъ. Это и явилось бы пробужденіемъ въ приходѣ с о б о р н о с т и, главнаго начала правильной церковной жизни. Членами общеприходскаго собранія должны быть всѣ взрослые мужчины и женщины. Проектируемый синодомъ 25-лѣтній возрастъ не выдерживаетъ критики, какъ относительно мужчинъ, которые къ этому времени пользуются всѣми правами своего состоянія, такъ и относительно женщинъ, которыя въ большинствѣ случаевъ являются уже матерями, такъ что совершенно достаточно взять за такой предѣльный возрастъ 21 годъ — годъ гражданскаго совершеннолѣтія.

Крайне не желательно также и устраненіе отъ приходской жизни нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ «порочныхъ» ея членовъ. Во-первыхъ, потому, что эта порочность часто только видимая и объясняется иными, болѣе глубокими причинами (напр., охлажденіе интеллигенціи къ храму, неаккуратное исполненіе ею долга исповѣди); а, во-вторыхъ, и потому, что одушевленная общеприходская работа способна исправить и возродить и дѣйствительно ослабѣвшихъ и порочныхъ членовъ прихода.

Соборность приходской общины должна состоять въ томъ, что всѣ прихожане, вмѣстѣ съ клиромъ образуютъ одинъ братскій союзъ и совокупными усиліями достигаютъ единой общей для всѣхъ цѣли — созиданія тѣла Христова. Всѣ они — члены одной религіозной семьи, ни для кого изъ нихъ не чужда никакая отрасль церковной жизни. Эта братская общеприходская работа, имѣя главнымъ своимъ предметомъ цѣли религіозно-нравственнаго совершенства, касается также и земныхъ, общественныхъ интересовъ, приводя ихъ въ согласіе съ первыми (благотворительной и просвѣтительной дѣятельностью прихода).

Въ частности, что касается клира, то онъ долженъ быть освобожденъ отъ рабскаго трепетанья предъ архіереемъ, благочиннымъ и консисторіей. Въ составѣ клира должны находиться три, одинаково полноправныхъ и независимыхъ лица, уравненныя даже и со стороны своего матеріальнаго содержанія. Это, во-первыхъ, священникъ — главный совершитель таинствъ, пастырь и воспитатель. Его прямая сфера, это — «молитва и служеніе слова». Онъ, по возможности, долженъ быть освобожденъ, ради этого, отъ всѣхъ хозяйственно-административныхъ заботъ. Эти послѣднія должны, если не всецѣло, то преимущественно, лежать на діаконѣ, вѣдающемъ церковно-приходскую благотворительность и хозяйственныя нужды прихода. Третій непремѣнный членъ клира — чтецъ, начальникъ клироснаго исполненія богослуженія, организаторъ хора, регентъ, образцовый чтецъ-декламаторъ, а если нужно, то и импровизаторъ. Всѣ теперешніе посредники между клиромъ и епархіальнымъ архіереемъ — различные благочинные, члены консисторіи, секретари и т. п.— должны быть упразднены. Уничтожено должно быть и раздѣленіе священниковъ на протоіереевъ и простыхъ іереевъ. Вообще, въ обновленной церкви не должно существовать почвы для соперничества, мѣстничества и полицейско-бюрократическаго режима.

Выраженіемъ общеприходской жизни служатъ, прежде всего, общія собранія членовъ прихода для разсужденій о вѣрѣ, для обмѣна мысли по вопросамъ религіи, нравственности, а также и общественно-политической жизни. На этихъ собраніяхъ священникъ, приспособительно къ культурному уровню прихожанъ, преподаетъ, своего рода, богословскій курсъ. Курсъ этотъ долженъ быть чуждъ мертвой схоластики и рутины, а состоять, главнымъ образомъ, въ оживленіи образа Христа, въ освѣщеніи и проникновеніи духомъ Христа нашей общественно-политической жизни. Весьма желательны на подобныхъ собраніяхъ и пренія, какъ выраженія слова и обмѣна мыслей. Священникъ долженъ-быть чуждъ горделивой мысли только учить: иногда, можетъ быть, полезно будетъ и ему самому поучиться у своей паствы. Въ приходахъ съ болѣе интеллигентнымъ составомъ предметомъ такихъ бесѣдъ могло бы служить «религіозное оправданіе культуры» (припомнимъ собранія Религіозно-философскаго кружка въ С.-Петербургѣ).

Расширеніе и укрѣпленіе церковно-приходской школы, о чемъ такъ усиленно хлопочутъ современные мнимые радѣтели церкви совершенно не нужно и даже вредно. Поддержка и искусственное развитіе церковно-приходской школы — актъ духовнаго политиканства, проявленіе антагонизма и борьбы съ свѣтской школой,

результатъ бюрократическаго клерикализма. Школа должна быть единой, общей и именно — народной. Боязнь, что гражданская школа изгонитъ изъ своихъ программъ Законъ Божій, ни на чемъ у насъ не основана и навѣяна, повидимому, съ Запада, примѣромъ Франціи. Но не забудемъ, что и во Франціи это было лишь отвѣтомъ на ту озлобленную борьбу, которую чуть не въ теченіе всего XIX вѣка вела католическая клерикальная школа съ свѣтской школой. Изъ этого грознаго урока исторіи пусть поймемъ, что борьба до добра не доводитъ. «Худой миръ лучше доброй ссоры». А я, по своему свыше двадцатипятилѣтнему опыту преподаванія въ различныхъ свѣтскихъ школахъ, могу засвидѣтельствовать, что такой міръ всегда можетъ быть и хорошимъ, если священникъ обладаетъ искреннимъ дружелюбіемъ и должнымъ тактомъ. Но не создавая особой церковно-приходской школы, приходъ можетъ соорганизовать свое у ч и л и щ н о е п о п е ч и т е л ь с т в о, которое будетъ осуществлять и надзоръ за школьнымъ дѣломъ.

Особенно интенсивна, свободна и широка должна быть благотельная дѣятельность прихода, какъ широка и самая заповѣдь Господня о милости и любви. Однако, желательно, чтобы эта дѣятельность не превращалась въ раздачу подаяній, а получила бы болѣе совершенную и цѣлесообразную организацію, наподобіе, напр. существующей у насъ въ Финляндіи. Необходима церковно-приходская к а с с а, откуда можно было бы получать безпроцентную ссуду и временныя пособія, въ экстраординарныхъ случаяхъ. Постоянное призрѣніе нужно лишь для престарѣлыхъ, для безпомощныхъ вдовъ и сиротъ.

У прихода должно быть два органа его самоуправленія: о б щ е е с о б р а н і е — органъ законодательно-распорядительный и с о в ѣ т ъ — исполнительный органъ.

Приходу должны быть предоставлены всѣ права юридическаго лица: право свободнаго распоряженія церковнымъ имуществомъ и выборное начало духовенства, подъ контролемъ высшей епархіальной власти. Хотя большинство нашихъ архіереевъ и противъ послѣдняго (смотри, напр., отзывъ, саратовскаго еп. Гермогена: «странно воскрешать то, что погребено исторіей»), но защитникомъ его является даже прот. Восторговъ.

Наконецъ, послѣдній больной вопросъ приходской жизни — о матеріальномъ обезпеченіи духовенства — долженъ быть рѣшенъ въ смыслѣ казеннаго жалованья всему духовенству. Если государство не стѣсняется огромными издержками на армію, или пути сообщенія, то неужели оно такъ дешево цѣнитъ службу духовен-

ства, что до сихъ поръ не можетъ обезпечить его приличнымъ государственнымъ содержаніемъ? Вѣдь, «издержки на культъ» существуютъ даже въ большинствѣ такихъ государствъ, которыя отрицательно относятся къ роли духовенства. Наше же государство смотритъ на духовенство, какъ на одну изъ своихъ опоръ, а потому логика и справедливость требуютъ назначенія духовенству и государственнаго жалованья.

Послѣ перерыва проф. **С. Ѳ. Глинка** въ своемъ докладѣ «Къ вопросу о проектѣ преобразованія церковнаго прихода» подѣлился результатами личныхъ наблюденій изъ жизни одного чувашскаго прихода Симбирской губ., Буинскаго уѣзда. Результаты эти далеко не утѣшительны. Вся масса инородческаго населенія, живущая въ Поволожьѣ, уже на разстояніи какихъ-нибудь 8 много 10 верстъ отъ культурныхъ центровъ, представляетъ изъ себя еще очень дикую, примитивную среду, съ явно выраженнымъ наклономъ, если не къ язычеству, то къ магометанству. Въ 1905 году съ объявленіемъ религіозной свободы чуваши Буинскаго уѣзда тысячами уходили въ масульманство. Единственнымъ религіозно-культурнымъ факторомъ среди всѣхъ этѣхъ грубыхъ инородцевъ является православная церковь и при ней школа, по проекту Ильминскаго. Такъ что прогрессъ и обрусѣніе инородцевъ стоятъ здѣсь въ зависимости отъ количества храмовъ и школъ: постепенный ростъ православія влечетъ за собой естественное умноженіе храмовъ и приходовъ, что докладчикъ и иллюстрировалъ лично хорошо ему извѣстнымъ примѣромъ, какъ изъ двухъ православно-чувашскихъ приходовъ на его памяти выросло уже пять. Проектъ же церковнаго прихода, внесенный въ Государственную Думу группой октябристовъ, намѣчаетъ какъ разъ обратную мѣру — не умноженіе, а сокращеніе приходовъ, что противорѣчитъ и историческимъ условіямъ развитія приходской жизни и грозитъ роковыми послѣдствіями для мѣстностей съ населеніемъ инородческимъ или сектантскимъ, такъ какъ здѣсь это равносильно уничтоженію чуть ли не единственныхъ культурно-просвѣтительныхъ центровъ, не говоря уже объ огромномъ нравственномъ значеніи закрытія русской церкви въ глазахъ какого-нибудь чуваша. Во-вторыхъ, докладчика интересовалъ также и вопросъ, что будетъ съ тѣми земельными надѣлами, которыми теперь обусловливается открытіе приходской церкви, куда они поступятъ, въ случаѣ закрытія церкви, при проектируемомъ сокращеніи приходовъ? Вопросъ этотъ пріобрѣтаетъ особенный интересъ для тѣхъ частныхъ лицъ, которыя жертвовали для церкви свои земли. Единственнымъ выходомъ изъ всѣхъ этихъ жизненныхъ коллизій докладчикъ

считалъ не закрытіе приходовъ, а ихъ развитіе и укрѣпленіе путемъ дарованія приходу правъ юридической личности и самоуправлеющяйся общины.

При открытіи преній по заслушаннымъ докладамъ **А. И. Покровскимъ** было внесено предложеніе ограничить пренія лишь однимъ первымъ докладомъ — о. Цвѣткова. Что же касается второго доклада— проф. Глинки, то онъ даетъ намъ прекрасный матеріалъ для одного, чрезвычайно важнаго реальнаго пожеланія, къ сожалѣнію, опускаемаго изъ виду не только бюрократическими, но даже и общественными проектами церковно-приходской реформы. Во всѣхъ этихъ проектахъ есть тенденція свести все къ униформѣ, подогнать подъ одинъ ранжиръ. Но жизнь видимо противится такой нивеллировкѣ и требуетъ бо́льшаго вниманія къ мѣстнымъ условіямъ, на что и должно быть обращено самое серіозное вниманіе всѣхъ реформаторовъ церковнаго прихода.

Предсѣдатель собранія **И. Н. Сахаровъ** сдѣлалъ заявленіе о высокомъ интересѣ къ работамъ нашей Коммиссіи со стороны нѣкоторыхъ членовъ Государственной Думы, выразившихъ пожеланіе получить отъ насъ подробно разработанный нашъ проектъ церковнаго прихода. Въ виду этого, намъ, послѣ бывшей уже у насъ подробной каноническо-теоретической разработки даннаго вопроса, слѣдуетъ теперь перейдти и къ болѣе конкретной, жизненно-практической его постановкѣ.

Протоіерей **Н. П. Добронравовъ**, идя навстрѣчу такому пожеланію, внесъ предложеніе объ образованіи особой подкоммиссіи для выработки болѣе опредѣленной программы нашихъ работъ. До сихъ поръ, говорилъ онъ, въ работахъ нашей Коммиссіи нѣтъ опредѣленнаго, ясно выраженнаго плана: доклады носятъ отрывочный, случайный характеръ, въ ихъ послѣдовательности мало плана и системы. Поэтому намъ необходимо теперь же выработать извѣстную программу и осуществить ее въ рядѣ спеціальныхъ докладовъ, наподобіе того, какъ это уже однажды было продѣлано аналогичной же коммиссіей, издавшей цѣлый сборникъ своихъ трудовъ: «Предъ церковнымъ соборомъ», Москва, 1906 г. Для этого мы сейчасъ же должны выбрать особую подкоммиссію, поручить ей составить докладъ съ проектомъ такой программы и на ближайшемъ же очередномъ общемъ собраніи нашей Коммиссіи подробно обсудить и окончательно установить программу.

А. И. Покровскій, во-первыхъ, пытался ослабить упрекъ въ отрывочности и несистематичности работъ нашей Коммиссіи: пока всѣ засѣданія ея были посвящены одному — приходскому вопросу и носили въ себѣ характеръ того, что называется, напр., въ Го-

сударственной Думѣ «общими преніями», предваряющими конкретныя законодательныя предложенія. Теперь эти пренія мы почти закончили и, дѣйствительно, можемъ перейти на почву болѣе конкретныхъ предложеній, о чемъ уже и заявилъ нашъ предсѣдатель.

Что же касается самого пожеланія о. Добронравова объ общей, широко и систематически разработанной нашей программѣ, то здѣсь для насъ встаютъ опасенія двоякаго рода. Во-первыхъ, опасность повториться: однажды уже такая программа была выполнена. А такъ какъ почти половина нашихъ членовъ работала и въ той Коммиссіи, то едва ли мы будемъ въ состояніи и выработать новую программу и осуществить ее какъ-либо иначе. Вторая опасность — боязнь сдѣлать нашу Коммиссію слишкомъ теоретичной и академически-тяжелой. Намъ нужна болѣе жизненная и удобо-подвижная программа, которая бы давала отвѣты на волнующіе вопросы времени, на проекты Государственной Думы, на работу духовнаго вѣдомства и на запросы самого церковнаго и свѣтскаго общества. Поэтому, не отрицая въ принципѣ пожеланій прот. Добронравова о большей планомѣрности въ программѣ, я предлагалъ бы ограничивать эту программу каждый разъ рамками опредѣленнаго вопроса. Въ данномъ случаѣ у насъ на очереди церковно-приходскій вопросъ: общія пренія о немъ почти уже закончены, своевременно сдать его теперь въ подкоммиссію для выработки опредѣленныхъ конкретныхъ пожеланій, которыя и будутъ снова вынесены на наше обсужденіе и окончательное рѣшеніе.

Предложеніе о. Добронравова съ поправкой г. Покровскаго было принято собраніемъ и избрана подкоммиссія, въ составъ которой вошли всѣ докладчики (проф. Н. А. Заозерскій, проф. С. Ѳ. Глинка и свящ. Н. В. Цвѣтковъ) и еще И. Н. Сахаровъ и Н. П. Поповъ.

Затѣмъ **А. И. Покровскій** высказалъ рядъ критическихъ замѣчаній по поводу реферата о. Цвѣткова. Его вниманіе, прежде всего, остановила мысль докладчика, что «новаго пониманія Евангелія и церкви намъ не нужно». О чемъ говоритъ здѣсь авторъ: о теоретическомъ міровоззрѣніи христіанства, или объ его практическомъ воплощеніи? Если о первомъ, т.-е. теоретическомъ пониманіи, то нельзя сказать, чтобы оно не нуждалось въ болѣе ясной и опредѣленной формулировкѣ: вѣдь у насъ до сихъ поръ нѣтъ яснаго, исчерпывающаго опредѣленія «церкви»; да далеко еще не выяснены и всѣ евангельскіе принципы и идеалы. Еще менѣе удовлетворительна жизненно-практическая сторона нашей церкви: наша церковь — церковь клира и епископата, въ ней атрофировано соборное начало и пышно процвѣтаетъ клерикальный бюрократизмъ. Ясно, что здѣсь нужна не эволюція, не даль-

нѣйшее развитіе и совершенствованіе наличнаго строя, а коренная реформа, радикальная чистка всѣхъ этихъ историческихъ наростовъ и возстановленіе чистаго типа соборно-апостольской церкви.

Столь же неясной и даже прямо сомнительной является и другая фраза о. Цвѣткова, что «древне-церковные памятники не знаютъ прихода». Докладчикъ, повидимому, разумѣлъ здѣсь современный намъ типъ церковнаго прихода, съ пресвитеромъ во главѣ. Но даже и его древность очень почтенна — восходитъ, по меньшей мѣрѣ, къ началу IV-го вѣка, откуда идетъ рядъ непрерывныхъ свидѣтельствъ о существованіи отдѣльныхъ пресвитерскихъ приходовъ. Что же касается самаго термина ***παροικία*** или приходъ, то онъ и вовсе восходитъ къ началу II вѣка и указываетъ на всю мѣстную церковь, концентрировавшуюся, обычно, въ городѣ и возглавляемую, первоначально, епископомъ. Но важно здѣсь и не то, какимъ въ древней церкви былъ приходъ — епископскимъ или пресвитерскимъ? А то, какимъ онъ духомъ жилъ и какими традиціями руководился. И въ этомъ смыслѣ древне-церковная ***παροικία*** навсегда останется для насъ самымъ свѣтлымъ и высокимъ образцомъ истинно-церковнаго строя, гдѣ намъ есть чему учиться и подражать.

Особенно спорнымъ г. **Покровскій** находилъ тотъ тезисъ докладчика, въ силу котораго онъ сливалъ и обезразличивалъ всѣхъ трехъ членовъ клира — пресвитера, діакона и чтеца, уравнивая ихъ во всѣхъ обязанностяхъ и правахъ и одновременно строго разграничивая сферы ихъ спеціальности. По взгляду критика, здѣсь произошло бы не только каноническое, но и догматическое правонарушеніе, такъ какъ уничтожались бы привиллегіи іерархическаго служенія, основанныя же не на jure humano, а на jure divino. Нельзя смѣшивать іерархическихъ служеній съ церковно-причетническими, такъ-какъ это отзывалось бы протестантской точкой зрѣнія на сущность и функціи іерархіи. Священникъ является главнымъ пастыремъ-душепопечителемъ своихъ прихожанъ; отъ него, главнымъ образомъ, зависитъ настроеніе ввѣренной ему паствы; и уже въ силу одного этого нельзя дѣлать такими же полновластными распорядителями церковно-приходской жизни и еще двухъ лицъ — діакона и чтеца: явится многовластіе, многоначаліе и дѣло можетъ пойти вразбродъ. Такъ что извѣстная доля субординаціи, согласованности и единства направленія въ дѣятельности необходимы и для успѣха чисто-пастырскаго дѣланія.

Къ этой мысли г. Покровскаго энергично присоединился и протоіерей **Добронравовъ** который точно такъже протестовалъ противъ смѣшенія іерархическихъ служеній съ церковно должностными

и находилъ положительно непріемлемымъ, чтобы священникъ не могъ вмѣшаться и преподать руководственныя указанія, напримѣръ, чтецу, въ области церковнаго чтенія и пѣнія.

Послѣднее критическое замѣчаніе г. **Покровскаго** казалось принципіальнаго расхожденія его съ докладчикомъ по вопросу о матеріальномъ обезпеченіи духовенства. Докладчикъ, какъ извѣстно, отрицательно отнесясь ко всѣмъ инымъ способамъ обезпеченія духовенства, существенно желательнымъ его видомъ призналъ лишь государственное жалованье духовенству. Въ свою очередь, г. **Покровскій** нашелъ этотъ послѣдній способъ наименѣе удовлетворительнымъ и цѣлесообразнымъ. Все время говорилъ онъ, мы хлопочемъ о самоуправленіи и автономіи церковнаго прихода; и вдругъ, одну изъ важнѣйшихъ экономическихъ его функцій—функцію матеріальнаго обезпеченія духовенства мы сами же отдаемъ въ чужія руки и ставимъ въ зависимость отъ посторонней власти. Значитъ, мы сознательно будемъ одной рукой подтачивать и разрушать то, что создавать другой. Тутъ должно быть что-нибудь одно: или церковная община должна быть, дѣйствительно, автономна; тогда она же должна не только пользоваться правами, но и нести извѣстныя обязанности. Или приходское духовенство будетъ зависѣть отъ государственнаго казначейства и тогда нѣтъ мѣста никакимъ мечтамъ о внутреннемъ самоуправленіи прихода и его независимости отъ внѣшнихъ давленій. Къ этому нельзя не прибавить и того общеизвѣстнаго указанія, что назначеніе государственнаго жалованья не ослабитъ, а усилитъ одинъ изъ главныхъ недуговъ современнаго церковнаго строя — его бюрократизацію. Пока эта бюрократизація сильнѣе ощущается лишь на верхахъ нашей церкви, получающей и жалованье, и чины и ордена отъ государства. Съ назначеніемъ же жалованья та-же бюрократическая тенденція проникнетъ и въ широкіе круги низшаго, въ особенности, сельскаго духовенства, гдѣ среди малообразованной деревенской массы оно окончательно станетъ на положеніе становыхъ, земскихъ начальниковъ и т. п. органовъ государственной власти, призванныхъ опекать мужика. «Я думаю, — закончилъ свою рѣчь г. **Покровскій** — что единственно правильнымъ рѣшеніемъ вопроса о матеріальномъ обезпеченіи духовенства будетъ разрѣшеніе его на приходской же почвѣ, силами и средствами самой автономной приходской общины. Прекрасный примѣръ этого мы уже имѣемъ въ практикѣ всей православно-восточной церкви Балканскаго полуострова, гдѣ существуетъ мѣстное приходское самообложеніе и общеприходская касса, откуда и выдается опредѣленное, заранѣе обусловленное содержаніе всему причту».

Къ мысли о нежелательности для духовенства казеннаго жалованья и его вредѣ присоединился и **И. М. Громогласовъ,** находившій, что цѣной полученія жалованья отъ государства церковь будетъ продавать свою свободу.

На всѣ эти возраженія о. **Н. В. Цвѣтковъ** представилъ свои объясненія. Такъ, по первому пункту — относительно ненужности новаго пониманія Евангелія и церкви — онъ замѣтилъ, что ее надо понимать въ теоретическо-догматическомъ, а не въ жизненно-практическомъ смыслѣ. Основы нашего церковнаго ученія совершенно правильны и не нуждаются въ замѣнѣ; реформы, и реформы очень серіозныя, нужны лишь относительно тѣхъ уродливыхъ формъ, въ которыя у насъ вылилось основное евангельско-церковное ученіе. Это и будетъ путь эволюціи, усовершенствованія и развитія здороваго основного зерна. По вопросу о равенствѣ всѣхъ членовъ клира, о. Цвѣтковъ пояснилъ, что это есть его идеальное пожеланіе, относящееся къ болѣе или менѣе отдаленному будущему, когда возникнетъ иной жизненный укладъ, построенный на началахъ всеобщаго равенства. Тогда не будетъ мѣста никакимъ, въ томъ числѣ и іерархическимъ привиллегіямъ. Вообще, центръ тяжести лежитъ здѣсь не въ томъ, чтобы посягать на іерархическія полномочія, а въ томъ, чтобы искоренить духъ приниженности и рабства во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ клира. По вопросу о жалованьѣ духовенству о. Цвѣтковъ еще разъ подчеркнулъ его необходимость, вызванную, между прочимъ, крайней неопредѣленностью, неустойчивостью и даже недостаточностью мужицкихъ окладовъ, которые получились бы путемъ приходскаго самообложенія.

Послѣднимъ вопросомъ, по которому произошелъ оживленный обмѣнъ мнѣній, былъ вопросъ о церковно-приходской школѣ, также затронутый въ рефератѣ о. Цвѣткова. Одни изъ присутствующихъ примкнули къ тезису докладчика объ излишествѣ и даже вредѣ особой церковно-приходской школы, другіе (протоіерей Н. И. Боголюбскій, Н. П. Поповъ и свящ. И. И. Кедровъ), съ тѣми или иными поправками, высказались, наоборотъ, за желательность и пользу особой, приходской школы. Однако, собраніе по этому капитальной важности вопросу не успѣло притти ни къ какому опредѣленному выводу, и за позднимъ временемъ засѣданіе было закрыто.

Товарищъ Предсѣдателя коммиссіи
по Церковному праву ***И. Сахаровъ.***

Секретарь ***А. Покровскій.***

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія коммиссіи по Церковному праву при Московскомъ Юридическомъ Обществѣ отъ 5 марта 1912 года.

Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ И. Н. Сахарова, засѣдала въ составѣ 19 дѣйствительныхъ членовъ, съ нѣсколькими приглашенными лицами. Въ началѣ былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія. Затѣмъ, слово было предоставлено **Н. П. Попову,** который сдѣлалъ докладъ отъ лица особой подкоммиссіи по поводу проекта церковно-приходской реформы, внесеннаго въ Государственную Думу 23 ноября 1911 года 51 ея членами. Основные тезисы этого доклада и тѣ поправки къ нему, которыя были сдѣланы на двухъ засѣданіяхъ подкоммиссіи, резюмированы докладчикомъ въ слѣдующемъ видѣ.

1) Члены думы намѣченной реформой имѣютъ въ виду устроить приходъ какъ дѣеспособную организацію, дабы православная церковь не оказалась въ положеніи худшемъ, чѣмъ старообрядческія и сектантскія религіозныя общины или православные приходы Финляндіи, гдѣ уже проявляется приходская жизнедѣятельность.

2) Иниціаторы дѣла отправляются отъ заключеній IV отдѣленія предсоборнаго присутствія и законодательнаго предположенія 147 членовъ Государственной Думы, которыя должны лечь въ основу будущаго законопроекта о православныхъ приходахъ.

3) Съ своей стороны 51 останавливаются а) на признаніи за приходомъ правъ юридическаго лица, совершенно безспорномъ и не нуждающемся въ особой мотиваціи и б) на разработкѣ вопроса объ обезпеченіи городского и сельского духовенства содержаніемъ.

4) Указавъ на ненормальность отношеній клира къ приходу изъ-за матеріальныхъ счетовъ, члены Думы правильно видятъ въ этомъ причину духовной приниженности перваго и невозможности проводить въ жизнь правду Божію.

5) Для поднятія престижа духовенства въ глазахъ массъ, надобно обезпечить его содержаніемъ, что возможно осуществить тремя путями: а) полнымъ обезпеченіемъ отъ казны, б) свободной оплатой со стороны прихода труда духовенства и в) обезпеченіемъ отъ прихода въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ государствомъ.

6) По разнымъ причинамъ 51 останавливаются на третьемъ выходѣ изъ нынѣшняго ненормальнаго положенія.

7) Раздѣливъ требы на обязательныя и необязательныя, члены Думы желаютъ безплатнаго совершенія первыхъ (а также метрикъ, выписей, предбрачныхъ свидѣтельствъ, удостовѣреній о бытіи у исповѣди) и оплаты приходской общиной вторыхъ.

8) По существу и техническимъ условіямъ, необходимо фиксировать минимальное содержаніе духовенству и оплачивать его путемъ самообложенія прихода въ порядкѣ безспорнаго взысканія.

9) Въ цѣляхъ этой фиксаціи необходимо установить нормальный размѣръ прихода въ 2000 — 3000 душъ обоего пола, съ предоставленіемъ, однако, права сильнымъ матеріально общинамъ имѣть особый причтъ при любомъ числѣ душъ.

10) Содержаніе духовенства должно быть вездѣ равномѣрно.

11) Оно опредѣляется въ 1200 руб. священнику съ среднимъ образованіемъ, въ 1500 руб. съ высшимъ, въ 900 съ низшимъ и псаломщику 400 руб. Дьяконы приглашаются общинами, при наличности средствъ на содержаніе въ 800 руб.

12) Плата за необязательныя требы таксируется и вносится въ церковно-приходскую кассу, откуда и получается причтомъ.

13) Приходы бѣдные получаютъ дачи изъ государственнаго казначейства для оплаты труда духовенства по нормальному положенію впредь до улучшенія ихъ экономическихъ рессурсовъ.

14) Опредѣленіе казеннаго пособія нуждающимся приходамъ — дѣло раскладочнаго комитета изъ представителей Мин. Фин., духовенства и приходовъ, и производится на 5 лѣтъ.

15) Для причтовыхъ и церковныхъ средствъ установляется единство кассы.

Антитезы и пожеланія.

1) Въ числѣ причинъ, роняющихъ престижъ духовенства, слѣдуетъ признать главной — крайнюю затруднительность для него служить интересамъ народа.

2) Обезпеченіе духовенства въ матеріальномъ отношеніи не гарантируетъ подъема его религіозно-нравственнаго престижа.

3) Дѣленіе требъ на обязательныя и необязательныя, на которомъ базируется вопросъ о содержаніи духовенства, въ предположеніи 51 не выяснено и нуждается въ детальной разработкѣ.

4) Повышеніе содержанія не должно стоять въ зависимости отъ образованія клирика, а лишь отъ высоты его служенія,

которую опредѣляетъ самоуправляющійся приходъ, да по практическимъ соображеніямъ — отъ многосемейности.

5) Къ нравственному и матеріальному возрожденію приходовъ должны быть привлечены монастыри и пустыни, въ видахъ единенія бѣлаго духовенства съ чернымъ на почвѣ общаго служенія идеѣ церковной.

6) Разъ установляется единство кассы для церковныхъ и причтовыхъ рессурсовъ прихода, необходимо стремиться къ объединенію и всѣхъ вообще средствъ церкви, въ томъ числѣ имуществъ монастырей и архіерейскихъ подворій, а это возможно лишь при условіи общественнаго контроля надъ церковнымъ достояніемъ.

Открывая пренія по содержанію выслушаннаго доклада, предсѣдатель собранія, въ интересахъ продуктивности работы, предложилъ ограничить эти пренія рамками только тѣхъ вопросовъ, по которымъ подкоммиссія или несогласна съ законодательнымъ предположеніемъ 51 члена Государственной Думы, или даже не пришла и сама къ полному, однообразному рѣшенію. И такихъ вопросовъ онъ намѣтилъ четыре: во-первыхъ, вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства, во-вторыхъ — о дѣленіи требъ на обязательныя и необязательныя, на чемъ базируется законодательное предположеніе 51, въ-третьихъ — вопросъ объ образовательномъ цензѣ духовенства, какъ условіи его различнаго матеріальнаго обезпеченія и, наконецъ, вопросъ о гласномъ контролѣ и привлеченіи всѣхъ суммъ духовнаго вѣдомства: церковно-причтовыхъ, монастырскихъ, архіерейскихъ домовъ и синодскихъ.

А. И. Покровскій и прот. **Н. П. Добронравовъ** находили, что такая постановка нашихъ преній будетъ слишкомъ узкой и грозитъ не затронуть многихъ главнѣйшихъ пунктовъ церковно-приходской реформы, всей положительной его организаціи, въ которой должно быть дано развитіе принципа «соборности».

И. Н. Сахаровъ, признавая, что проектъ 51 члена Государственной Думы дѣйствительно смотритъ на дѣло слишкомъ узко, просилъ, тѣмъ не менѣе, ограничиться лишь имъ, въ частности еще и потому, что о положительной организаціи у насъ нѣтъ разногласій и споровъ и ее мы уже достаточно выяснили въ нашихъ предшествующихъ засѣданіяхъ.

Проф. **Н. А. Заозерскій** къ этому добавилъ, что и проектъ 51 члена Государственной Думы свободенъ отъ упрека въ игнорированіи существа реформы, которое дано у него въ формѣ «Приложенія» и представляетъ перепечатку проекта нормальнаго устава церковнаго прихода, выработаннаго IV отд. Предсоборнаго Присутствія 1906 г.

П. И. Астровъ находитъ въ проектѣ 51 члена несоотвѣтствіе заглавія съ содержаніемъ: обѣщали многое — организацію прихода, а дали очень малое — лишь разработку матеріальнаго положенія духовенства; ни динамическій, ни статическій элементы церкви проектомъ не затронуты и въ этомъ, разумѣется, его самая слабая сторона. Но это не вина нашей подкоммиссіи, которая не могла брать на себя задачи пополнять или видоизмѣнять данный проектъ, ея дѣло — лишь проанализировать и дать критику тому, что въ немъ имѣется.

Г. А. Рачинскій беретъ подъ свою защиту законопроектъ 51 члена Государственной Думы. Ихъ тезисы и мотивировка этихъ тезисовъ повліяли и на выработку всего законопроекта. Но я не нахожу здѣсь никакой особенной ошибки въ постановкѣ задачи. Авторы законопроекта не говорятъ здѣсь о соборности; и хорошо дѣлаютъ, потому что они совершенно правильно учитываютъ различныя условія городской и сельской жизни нашихъ приходовъ. Въ деревнѣ еще можно говорить о соборности: приходъ здѣсь живая, реальная связь. Но въ городѣ какая тамъ возможна соборность? Приходъ тамъ, скорѣе, чисто отвлеченная единица.

И. Н. Сахаровъ говоритъ, что нельзя съ такой строгой и придирчивой критикой относиться къ думскому проекту: вѣдь, это еще не окончательно разработанный законопроектъ, а только «законодательное предположеніе», какъ и озаглавили его сами его авторы.

С. А. Котляревскій окончательно выясняетъ этотъ споръ. Такая, а не иная форма даннаго проекта зависитъ отъ обычной думской техники. Всякій разъ, какъ Государственная Дума въ порядкѣ собственной иниціативы возбуждаетъ какой-либо вопросъ, авторы вопроса предварительно вносятъ его на уваженіе Государственной Думы въ самой общей формѣ. Если Государственная Дума его принимаетъ, то онъ поступаетъ для дальнѣйшей разработки въ спеціальную коммиссію, тамъ онъ выливается въ строго юридическую форму законопроекта и оттуда уже снова поступаетъ на обсужденіе всей Государственной Думы. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только съ первой фазой прохожденія проекта черезъ Думу, чѣмъ и объясняется его, неудовлетворяющая многихъ, общность и схематичность, несоотвѣтствіе предварительной мотиваціи съ приложеннымъ проектомъ.

Переходя къ критикѣ вопроса по его существу, оппонентъ указываетъ, что опасно преувеличивать значеніе церковно-приходской реформы. Эта послѣдняя — отнюдь не панацея отъ всѣхъ современныхъ золъ церковно-общественной жизни. Замѣчаемые теперь отчужденіе, неудовлетворенность и полный

религіозный разбродъ церковно-приходской реформой почти нисколько не затрогивается. На создавшееся ненормальное положеніе вліяетъ вся совокупность современной жизни, и жизни не только церковной, но и общественно-политической: здѣсь играетъ роль и вопросъ объ отношеніи церкви къ государству и мелкая земская единица и новое, болѣе углубленное пониманіе самого христіанства. Приходская же реформа, по преимуществу, внѣшняя, матеріальная реформа. Потому-то, конечно, она, такъ сказать, всего доступнѣе и легче. Но даже и она не можетъ быть удовлетворительно проведена безъ соотвѣтствующаго внутренняго подъема: «соборность и одушевленіе» — душа церковно-приходской реформы — не зависитъ отъ однихъ внѣшнихъ перемѣнъ. Нужно, слѣдовательно, серьезное внутреннее религіозное возрожденіе, которое гораздо шире и глубже внѣшней церковно-приходской реформы.

Н. В. Цвѣтковъ, говоря по тому же вопросу, иллюстрируетъ свою мысль сравненіемъ. Когда въ комнатѣ душно, нѣтъ свѣжаго воздуха и мы задыхаемся, то отворяемъ окно, а иногда даже и двери, чтобы впустить этого свѣжаго воздуха. Ту же самую цѣль преслѣдуетъ и реформа церковнаго прихода, которая должна будетъ создать иную, болѣе здоровую и нормальную атмосферу для пастырской и, вообще, церковной работы. А то теперь мы, прежде всего, и больше всего страдаемъ отъ нашего же церковно-крѣпостного строя, накладывающаго свою тяжелую руку на всякій благой починъ. Вотъ вамъ послѣдній, яркій примѣръ, выхваченный изъ самой жизни. Одинъ почтенный сельскій пастырь Самарской губерніи Бузулукскаго уѣзда, который чрезъ нашу организацію кормитъ 4000 человѣкъ и ставитъ голодающихъ на работы въ разныя мѣста, недавно получилъ изъ мѣстной консисторіи строжайшій указъ ничего не писать, не печатать и даже не говорить о голодѣ, а сидѣть тихо и смирно, чтобы не досаждать своими рѣчами начальству. Вотъ и судите сами, какая же возможна у пастыря живая, общественная работа, если надъ нимъ постоянно виситъ дамокловъ мечъ консисторіи? А вотъ, когда этого пугала не будетъ, когда явится автономія прихода, тогда налицо будутъ совершенно иныя, прямо противоположныя условія, тогда можно будетъ нетолько говорить объ общественно-приходской работѣ, но и, дѣйствительно, ее производить. Отсюда выводъ — реформа прихода крайне важна и нужна и съ нея надо начинать; но, конечно, на ней не надо останавливаться, а необходимо итти въ томъ же направленіи и дальше.

Прот. **Н. И. Добронравовъ** добавляетъ къ этому, что мало лишь открыть окна, необходимо еще и дать людей, т.-е. недостаточно

лишь уничтожить современныя консисторіи и другія тренія, нужно также развить и положительное начало т.-е. организовать соборность въ приходѣ.

Л. Я. Дудкинъ заявляетъ, что по его глубокому убѣжденію все зло современной церковной жизни зависитъ отъ того, что въ ней не принимаютъ никакого живого участія міряне. Всѣ церковныя дѣла у насъ въ настоящее время состоятъ въ исключительномъ вѣдѣніи архіерея, консисторіи и причта; главная же масса церковнаго, соборнаго тѣла — всѣ міряне положительно устранены отъ всякой активной церковной работы. Отсюда, вполнѣ понятно, почему наша церковь въ параличномъ состояніи: въ ней атрофирована бо́льшая часть ея организма. Слѣдовательно, спасеніе въ возрожденіи церкви, въ прекращеніи этого искусственнаго паралича, т.-е. въ привлеченіи и мірянъ къ живой, активной, созидательной работѣ.

П. П. Поспѣловъ указываетъ на то, что въ законопроектѣ 51 члена Государственной Думы указаны два пункта: организація церковнаго прихода и вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства. И естественно, что законопроектъ разрабатываетъ только послѣдній вопросъ, такъ какъ только эта, бюджетная сторона церковно-приходской реформы и подвѣдомственна Государственной Думѣ. Другая же внутренняя, собственно, церковная сторона реформы — дѣло Церковнаго собора.

Н. П. Поповъ, по поводу возраженій С. А. Котляревскаго о второстепенномъ характерѣ церковно-приходской реформы и преимущественной важности другихъ, болѣе общихъ и глубокихъ вопросовъ, замѣчаетъ, что излишне ссылаться на то, что давно всѣмъ извѣстно и безспорно. Конечно, для возрожденія церкви нужна перемѣна всей нашей общественно-политической и церковной жизни. Но, вѣдь, нельзя же сидѣть сложа руки и ждать, пока придетъ эта перемѣна: надо самимъ ее постепенно создавать и подготовлять путемъ цѣлесообразныхъ внѣшнихъ реформъ. А одной изъ самыхъ важныхъ реформъ на этомъ пути и будетъ церковно-приходская реформа.

О. **Авивъ Бородинъ** присоединяется къ послѣднему оратору и находитъ, что лучшій практическій путь церковно-приходской реформы состоитъ въ объединеніи взглядовъ о. Цвѣткова (внѣшнія реформы) со взглядами о. Добронравова (внутренняя реформа — соборное начало).

Предсѣдатель **И. Н. Сахаровъ** резюмируетъ пренія по этому пункту въ томъ смыслѣ, что церковно-приходская реформа, хотя и не панацея отъ всѣхъ золъ, все же очень важна, и при ея проведеніи

исключительно важное значеніе имѣетъ принципъ соборности, т.-е. привлеченіе къ церковной дѣятельности и мірянъ.

Затѣмъ, онъ ставитъ на обсужденіе второй вопросъ — о матеріальномъ обезпеченіи духовенства. Наша подкоммиссія по этому вопросу добавляетъ онъ не пришла къ единодушному рѣшенію согласіе было достигнуто только въ томъ, что нельзя этого вопроса выдвигать на первый планъ, какъ дѣлаютъ авторы думскаго законопроекта, а слѣдуетъ отвести ему второстепенное значеніе. А дальше были высказаны два мнѣнія: большинство членовъ подкоммиссіи все же находило, что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ; меньшинство же выскзывалось за то, что теперь этого вопроса поднимать вовсе пока не слѣдуетъ, а предоставить его самому возрожденному приходу. На обсужденіе сначала былъ поставленъ послѣдній взглядъ и предложено высказаться его защитникамъ.

А. И. Покровскій отозвался на это предложеніе и заявилъ, что постановку вопроса о матеріальномъ обезпеченіи духовенства въ проектѣ церковно-приходской реформы, онъ находитъ положительно не желательной — и по практическимъ и по принципіальнымъ соображеніямъ. Къ числу первыхъ, то-есть практическихъ мотивовъ онъ относитъ то, что выдвиганіе вопроса о матеріальномъ интересѣ духовенства можетъ повредить репутаціи самого проекта, придать ему узкокастовую окраску, грубо-матеріальный характеръ и тѣмъ самымъ уже заранѣе создать предубѣжденіе противъ проекта. Многіе получатъ соблазнъ сказать, что здѣсь, подъ флагомъ обновленія прихода, въ сущности, проводится лишь вопросъ о жалованьѣ духовенству. Всѣ эти рѣчи о соборности, о возрожденіи прихода, объ общей одушевленной работѣ — не больше, какъ пышная декорація, красивыя, громкія фразы, за которыми довольно осязательно выступаетъ одно реальное постановленіе — это удовлетвореніе аппетитовъ духовенства приличнымъ казеннымъ жалованьемъ. Уже изъ опасенія одного этого, вполнѣ возможнаго нареканія, намъ не слѣдуетъ торопиться съ вопросомъ объ обезпеченіи духовенства. Нужно сначала обезпечить «единое на потребу» — внутреннее, религіозно-моральное и главное, внѣшнее, каноническое возрожденіе прихода, а все остальное «само приложится», то-есть будетъ выяснено и рѣшено самимъ естественнымъ ходомъ дѣла.

Другимъ практическимъ соображеніемъ противъ выдвиганія теперь матеріальнаго вопроса являются и данныя жизннаго опыта. Они говорятъ, что матеріальное обезпеченіе нашего духовенства вовсе ужъ не такъ безнадеждо плохо, чтобы съ этимъ вопросомъ

нужно было усиленно торопиться: вопросъ этотъ можетъ потерпѣть, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы рѣшеніе его можно было предоставить уже обновленному приходу, который бы и далъ его наиболѣе зрѣлое и продуманное рѣшеніе. Далѣе, та же жизнь учитъ, что вопросъ о матеріальномъ достаткѣ духовенства не стоитъ въ прямой связи съ вопросомъ о высотѣ и энергіи пастырскаго служенія; а если даже и стоитъ, то нерѣдко въ обратномъ тому, на которое разсчитываютъ защитники этой реформы. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ на западѣ и кой-гдѣ на югѣ сельское и городское духовенство давно обезпечено хорошимъ казеннымъ жалованьемъ. Но мы что-то не слыхали, чтобы вслѣдствіе того тамъ особенно процвѣтала церковная жизнь; наоборотъ, больше слышимъ лишь объ отпаденіяхъ тамъ отъ православія, о развитіи штунды, баптизма и т. п. Наше городское, въ особенности столичное духовенство Москвы и Петербурга, обезпечено втрое, иногда чуть не впятеро лучше того, чѣмъ предлагаетъ думскій законопроектъ. Однако видимъ ли мы и здѣсь соотвѣтственное повышеніе энергіи пастырей въ служеніи своему приходу и процвѣтаніе послѣдняго? Совершенно наоборотъ,— здѣсь часто нѣтъ и того minimum'а этой работы, какое даетъ бѣдный сельскій приходъ и его пастырь. Значитъ сама жизнь или сводитъ на нѣтъ значеніе матеріальнаго достатка или даже обнаруживаетъ, скорѣе, его чуть ли не отрицательную роль.

Какъ на главный принципіальный мотивъ своего отвода г. Покровскій указывалъ на рѣзкое противорѣчіе заранѣе установленнаго содержанія идеѣ приходской автономіи. Изъ идеи автономнаго прихода, — о чемъ мы такъ усиленно хлопочемъ и чего больше всего добиваемся, — логически вытекаетъ, что всѣ функціи этого прихода должны быть предоставлены ему самому, а не зависѣть отъ какого-либо предрѣшенія, или посторонняго давленія. И даже чѣмъ важнѣе жизненная функція прихода, тѣмъ ревнивѣе должна быть ея автономная охрана. Отсюда всѣ тѣ, кто матеріальному вопросу придаетъ особенную важность и ради этой важности считаютъ необходимымъ говорить о немъ особо, уже eo ipso, казалось бы, вынуждались стать на защиту его автономно-приходскаго разрѣшенія. Пусть автономный приходъ самъ урегулируетъ названную экономическую функцію. Зачѣмъ же мы теперь въ законодательномъ порядкѣ хотимъ сами же по рукамъ и по ногамъ связать въ данномъ вопросѣ нашъ будущій, обновленный приходъ? Искренніе радѣтели автономіи церковнаго прихода, по моему глубокому убѣжденію, не должны сами подкапывать этой автономіи, не должны стѣснять прихода никакими заранѣе навязанными рѣшеніями, тѣмъ болѣе такими, которыя въ значительной степени

предопредѣляютъ собой и весь дальнѣйшій церковно-приходскій укладъ.

П. И. Астровъ хочетъ говорить по этому вопросу, какъ юристъ, быть-можетъ, и недостаточно свѣдующій въ вопросахъ культуры духа, но привыкшій мыслить болѣе ясно и опредѣленно въ вопросахъ внѣшняго права. Исходя отсюда, онъ полагаетъ, что вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства нуждается, именно, въ опредѣленномъ законодательномъ его рѣшеніи. Ссылки на западную и южную Русь, а также на городское и въ особенности столичное духовенство, мало убѣдительны, потому что они — не правило, а исключенія. Вопросъ надо ставить и рѣшать въ иной плоскости — существуетъ ли настойчивая жизненная необходимость поднимать этотъ матеріальный вопросъ? На это мы отвѣчаемъ: да, существуетъ, и причины ея кроются въ смѣнѣ прежняго, натуральнаго хозяйства новымъ денежнымъ хозяйствомъ. Эта смѣна вызвала неустойчивость и неопредѣленность содержанія духовенства. Прежніе способы его обезпеченія являются уже пережиткомъ стараго, какимъ-то анахронизмомъ и нашъ долгъ пойти навстрѣчу запросамъ новаго времени и выдвинуть этотъ вопросъ особо.

Г. А. Рачинскій также подчеркиваетъ значеніе этого экономическаго фактора въ ряду причинъ, тормозящихъ правильное развитіе прихода. А разъ это такъ, ясно, что мы должны урегулировать этотъ вопросъ, чтобы однимъ серьезнымъ тормазомъ было меньше.

С. А. Котляревскій, принципіально соглашаясь съ г. Покровскимъ, что принятіе вопроса о матеріальномъ обезпеченіи духовенства насъ ко многому обязываетъ и въ значительной степени, предрѣшаетъ дальнѣйшее, тѣмъ не менѣе полагаетъ, что, если мы не хотимъ разсуждать внѣ условій пространства и времени, то должны сойти съ такой строго-принципіальной почвы по почву практическаго компромисса. Разъ мы принимаемъ въ основѣ проектъ Государственной Думы и систему правительственной дотаціи, то eo ipso мы логически обязываемся принять и законодательныя рѣшенія даннаго спорнаго вопроса. Тѣмъ болѣе, что рѣшеніе матеріальнаго вопроса, изложенное въ предположеніи 51 чл. Госуд. Думы, нельзя не признать сравнительно удовлетворительнымъ, такъ какъ оно удачно объединяетъ начало общественности (приходское обезпеченіе) съ субсидіарной помощью правительства (добавочная дотація).

Свящ. **Н. В. Цвѣтковъ,** ссылаясь на свой почти 25-лѣтній пастырскій опытъ, энергично осуждаетъ старый способъ «поручной» платы духовенству и говоритъ объ особой тяготѣ для духовенства т.-н. «хожденія по приходу со святыней».

Свящ. **И. И. Кедровъ** высказывается противъ постановки и законодательнаго рѣшенія вопроса о жалованьѣ духовенству. По его мнѣнію, тѣ фальшивыя отношенія, въ которыхъ иногда стоятъ теперь пастырь и приходъ зависятъ вовсе не отъ традиціонныхъ, исторически сложившихся и для всѣхъ привычныхъ способовъ обезпеченія духовенства, а совершенно отъ иныхъ, болѣе глубокихъ причинъ. При отсутствіи же таковыхъ и при наличности добрыхъ, искреннихъ, взаимнодоброжелательныхъ и теплыхъ отношеній у пастыря съ его приходомъ никогда не возникаетъ никакихъ треній на этой почвѣ: прихожане не скупятся давать, а пастырь не тяготится брать, и такой священникъ никогда не будетъ испытывать матеріальной нужды. Наоборотъ, когда священникъ изъ ложной щепетильности, или по какимъ-либо инымъ мотивамъ, начинаетъ неаккуратно относиться къ хожденію по приходу и даже пропускать многихъ прихожанъ, то обыкновенно этимъ онъ вызываетъ только нареканія, недовольство и ропотъ.

Свящ. **П. П. Поспѣловъ** проситъ пояснить, о чемъ, собственно, идетъ рѣчь? О томъ ли, что нужно законодательнымъ путемъ рѣшить вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства, или же вмѣстѣ и о томъ, какъ это сдѣлать, въ частности — не путемъ ли жалованья отъ казны? На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ утвердительно, а противъ второго протестуетъ.

Предсѣдатель **И. Н. Сахаровъ** отвѣчаетъ, что пока идетъ обсужденіе только перваго вопроса — о принципіальной постановкѣ — и ставитъ теперь этотъ вопросъ на окончательную баллотировку. Большинствомъ присутствовавшихъ, противъ трехъ голосовъ (проф. Н. А. Заозерскаго, А. И. Покровскаго и священника И. И. Кедрова) вопросъ былъ принятъ, т.-е. рѣшено признать желательнымъ выдѣленіе этого вопроса и его предварительное, законодательное разрѣшеніе.

Затѣмъ, предсѣдатель ставитъ на обсужденіе слѣдующій вопросъ: Каковы же должны быть тѣ источники, изъ которыхъ должно удовлетворяться матеріальное обезпеченіе духовенства? Возможны, говоритъ онъ, три такихъ источника: 1) жалованье отъ казны, 2) обезпеченіе отъ прихода и 3) смѣшанный видъ обезпеченія — частью отъ прихода, частью отъ казны. На какомъ же источникѣ намъ остановиться?

Свящ. **Н. В. Цвѣтковъ** всецѣло высказывается за первый источникъ, т.-е. за казенное жалованье. Наглядный примѣръ всей благотворности, именно, такого обезпеченія онъ видитъ въ положеніи пастыря-законоучителя, обезпеченнаго опредѣленнымъ казеннымъ жалованьемъ и спокойно отправляющаго свои обязанности.

При обезпеченіи же отъ прихода, хотя бы только и частичномъ, снова останутся почти всѣ тяжелыя и неприглядныя стороны «кормленія духовенства», въ томъ числѣ и крайне тягостное хожденіе по приходу.

О. **Авивъ Бородинъ** дѣлаетъ упрекъ о. Цвѣткову во внутреннемъ самопротиворѣчіи. Ранѣе о. Цвѣтковъ справедливо говорилъ о замѣнѣ душной атмосферы въ официальной церкви, объясняемой, главнымъ образомъ, ея ненормальнымъ положеніемъ въ государствѣ; теперь же, въ вопросѣ о матеріальномъ обезпеченіи, онъ самъ хочетъ снова подчинить церковь государству. Это — не логично.

Л. Я. Дудкинъ высказывается въ томъ смыслѣ, что нашъ приходъ имѣетъ право на всѣ приходскія суммы и можетъ, поэтому, самъ назначать содержаніе своему духовенству; но ставить послѣднее въ зависимость отъ приходскаго совѣта (10 — 20 его членовъ), это значитъ вредить духу общенія пастыря съ прихожанами и создавать часто неловкое и неустойчивое положеніе духовенства. Поэтому опредѣленное государственное жалованье слѣдуетъ предпочесть случайному приходскому содержанію.

И. И. Кедровъ энергично выступаетъ противъ всякаго, хотя бы и частичнаго обезпеченія духовенства жалованьемъ отъ казны. Это, по его мнѣнію, только отдалитъ пастыря отъ прихожанъ и превратитъ его въ сытаго, обезпеченнаго правительственнаго чиновника, глухого къ нуждамъ своихъ прихожанъ. Свою мысль о. Кедровъ иллюстрируетъ жизненнымъ примѣромъ изъ своей недавней поѣздки по голодающимъ губерніямъ, гдѣ ему неоднократно приходилось выслушивать горькія жалобы крестьянъ на стѣснительные поборы и высокомѣрное обхожденіе съ ними ихъ пастырей. Въ одномъ, напримѣръ, приходѣ священникъ требуетъ за отпѣваніе въ церкви 5 рублей, за заочное отпѣваніе — 1 рубль, а иначе совсѣмъ не хоронитъ. Благодаря этому, у нихъ изъ 400 умершихъ въ послѣдній годъ едва 10 человѣкъ удостоились полнаго, церковнаго погребенія, прочіе же или были отпѣты заочно, или опущены въ могилу безъ всякаго христіанскаго обряда.

С. А. Котляревскій снова приглашаетъ съ высоты общихъ принциповъ сойти на болѣе жизненную, практическую почву. Будемъ откровенны и признаемъ, что правительственное жалованье духовенству потому быть-можетъ и сопровождалось нежелательными слѣдствіями, что оно преслѣдовало не церковныя, а политическія цѣли, какъ это, напримѣръ, очевидно на примѣрѣ западно-русскаго духовенства, которому платятъ за руссификацію. Но не станемъ закрывать глазъ и на то, что, вѣдь, сельская Россія въ большинствѣ

не сможетъ сама прокормить своего духовенства. Предоставлять обезпеченіе духовенства платежнымъ силамъ только одного прихода — это значитъ заранѣе обрекать его и на произволъ и на полуголодное существованіе. Поэтому, правильнѣе всего признать смѣшанную форму обезпеченія — изъ суммъ прихода, съ воспособленіемъ отъ государства. Вѣдь, даже и республиканская Франція, воевавшая съ духовенствомъ, долгое время имѣла въ своемъ бюджетѣ цифру въ 45 милліоновъ франковъ на «нужды культа».

Г. А. Рачинскій говоритъ: дайте священнику опредѣленное жалованье, какъ, напримѣръ мировому судьѣ, и урегулируйте тогда вопросъ объ обязательныхъ и необязательныхъ требахъ, какъ это сдѣлано хотя бы въ переселенческихъ приходахъ. Если же многихъ отпугиваетъ, повидимому, самый терминъ «государственная» касса, то назовите ее «общественной» или «центральной», но во всякомъ случаѣ создайте такой источникъ, изъ котораго могли бы черпать недостаточные приходы.

В. И. Большаковъ хочетъ разсѣять предубѣжденіе противъ государственнаго жалованья духовенству. Большинство несогласныхъ съ нимъ совершенно упускаютъ изъ виду, что, вѣдь, рѣчь то идетъ объ обновленномъ приходѣ. Въ этомъ приходѣ будутъ совершенно иныя отношенія между пастыремъ и прихожанами, при которыхъ не страшно будетъ и вліяніе государства, выражающееся въ формѣ правительственнаго жалованья. Всѣ положительныя стороны такого обезпеченія получатъ полную силу, а всѣ отрицательныя будутъ парализованы духомъ обновленнаго прихода.

П. И. Астровъ также стоитъ за этотъ способъ обезпеченія и подчеркиваетъ, что при иной приходской организаціи онъ утратитъ всю современную свою одіозность. Для воздѣйствія государства пастыри будутъ недосягаемы: они будутъ ограждены, подобно судьямъ, независимостью и несмѣняемостью.

А. И. Покровскій вооружается противъ государственнаго жалованья духовенству. Большинство своихъ аргументовъ онъ черпаетъ изъ предыдущей рѣчи г. Котляревскаго, который, по мнѣнію г. Покровскаго, лучше всѣхъ вскрылъ тотъ вредъ, которымъ всегда грозитъ казенное жалованье. С. А. Котляревскій указалъ на руссификаторскую дѣятельность западно-русскаго духовенства. И это — ясный и грозный симптомъ. Для насъ далеко не тайна, что и современная государственная власть обнаруживаетъ постоянную тенденцію использовать наше духовенство для своихъ, по большей части реакціонныхъ цѣлей. И въ отношеніи къ высшему духовенству — нашимъ архіереямъ — болѣе зависимымъ отъ оберъ-прокурора и государственной власти (откуда архіереи

получаютъ оклады, титулы и ордена), — правительство этой цѣли уже почти достигло. Какъ только мы распространимъ подобную же финансово-экономическую зависимость отъ государства и на низшее духовенство, то и его превратимъ въ тѣхъ же покорныхъ слугъ правительственной политики. Аналогія П. И. Астрова съ институтомъ «несмѣняемыхъ судей» тоже мало убѣждаетъ, ибо мы хорошо знаемъ, во что̀ на практикѣ превратилась судейская «независимость и несмѣняемость»; такъ что обрекать на ту же участь и духовенство, это не значитъ готовить ему лучшую будущность. Ссылка С. А. Котляревскаго на 45-милліонный бюджетъ культа во Франціи только лишній разъ доказываетъ, какъ опасно церкви опираться на государство: въ той же Франціи государство въ одно прекрасное время вычеркнуло эту статью изъ своего бюджета и сразу поставило церковь въ довольно непріятное положеніе. Такъ не лучше ли ужъ заранѣе понемногу становиться на собственныя ноги, чѣмъ жить на счетъ постороннихъ подаяній, съ постояннымъ рискомъ ихъ лишиться? Вѣдь, какъ извѣстно, на знамени всѣхъ прогрессивныхъ политическихъ партій стоитъ требованіе отдѣленія церкви отъ государства. Да этого же, въ концѣ концовъ, требуетъ достоинство и интересы самой автономной церкви. Поэтому, не надо завязывать новаго, крѣпкаго финансоваго узла въ отношеніяхъ церкви къ государству, не надо ставить препятствія на пути къ возможности ихъ раздѣльнаго, самостоятельнаго существованія. Наконецъ, едва ли особенно основательна и боязнь, что сельскіе приходы не смогутъ сами прокормить своего духовенства. При условіи чисто приходскаго обезпеченія духовенства, размѣры этой суммы будутъ различны, и всегда будутъ отвѣчать платежнымъ силамъ прихода: когда приходъ будетъ приглашать къ себѣ духовенство по своимъ силамъ и средствамъ то и духовенство заранѣе будетъ знать, на что оно идетъ. Значитъ, и это послѣднее практическое указаніе на «бѣдность» прихода утрачиваетъ всю свою кажущуюся силу.

Н. В. Цвѣтковъ выступаетъ съ противоположнымъ заявленіемъ, что мы не имѣемъ права тратить суммы «общеприходской кассы» на жалованье духовенству. Церковная казна — это, прежде всего, «имущество бѣдныхъ», на которыхъ оно и должно расходоваться. Возможна здѣсь и безпроцентная касса взаимопомощи прихожанамъ въ отдѣльныхъ, экстраординарныхъ случаяхъ. Но постоянное истощеніе общеприходской кассы на жалованье духовенству не отвѣчаетъ ея идеѣ.

В. Н. Челищевъ выражаетъ опасеніе, что если мы каждому автономному приходу предоставимъ право выбирать пастыря по своимъ

средствамъ, то это повлечетъ къ пониженію такого выборнаго духовенства. Мы знаемъ, какъ наша деревня сейчасъ выбираетъ себѣ старосту: здѣсь дѣйствуетъ и водка и подкупы и чуть не рѣшающее значеніе имѣетъ то обстоятельство, кто возьметъ дешевле. Можно опасаться повторенія всего этого и при выборѣ духовенства, въ аналогичныхъ условіяхъ, что было бы очень печально, такъ какъ пастырь всегда долженъ составлять душу прихода и его главную религіозно-моральную силу.

А. И. Покровскій ослабилъ это возраженіе указаніемъ на то, что полной аналогіи между выборами старосты и священника никогда быть не можетъ. Старосту выбираетъ только одна, часто темная и невѣжественная крестьянская масса. Выборы же причта будетъ дѣлать весь приходъ, въ которомъ всегда найдется и нѣсколько высококультурныхъ дѣятелей (врачъ, судья, учитель, помѣщикъ), которые, естественно, и будутъ играть при этихъ выборахъ рѣшающую роль. Затѣмъ — и это главное — вѣдь, приходскій выборъ кандидата священства — еще не рѣшающій моментъ. Посвященіе или переводъ такого кандидата, въ концѣ концовъ, зависитъ отъ епископа, который всегда имѣетъ право отвести недостойнаго кандидата.

Въ заключеніе всего и г. Покровскій пришелъ къ убѣжденію, что ни одинъ изъ возможныхъ способовъ обезпеченія духовенства не является идеальнымъ и намъ, волей-неволей, приходится изъ всѣхъ золъ выбирать меньшее. А этимъ меньшимъ зломъ, именно, и будетъ смѣшанная система обезпеченія, при условіи, чтобы бóльшая ея часть падала на долю самой приходской общины, а меньшая — зависѣла бы отъ государственнаго казначейства, или еще лучше бы, удовлетворялась изъ земскихъ, общественныхъ суммъ.

Предсѣдатель собранія **И. Н. Сахаровъ** ставитъ тогда вопросъ на голосованіе въ такой формѣ: пріемлема ли система исключительно государственнаго обезпеченія духовенства? Или же болѣе желательна смѣшанная система обезпеченія — силами прихода и помощью казны? По первому вопросу всѣ присутствовавшіе, кромѣ одного (о. Цвѣткова) высказались п р о т и в ъ, по второму — единогласно з а.

Слѣдующій по порядку тезисъ доклада — о необходимости строгаго разграниченія и точнаго выясненія вопроса объ обязательныхъ и необязательныхъ требахъ — никакихъ преній не возбудилъ и былъ принятъ въ редакціи подкоммиссіи.

Дальнѣйшій тезисъ — о различіи въ содержаніи духовенства въ зависимости отъ его образовательнаго ценза — какъ замѣтилъ предсѣдатель, раздѣлилъ всю нашу подкоммиссію пополамъ:

трое высказались за него и трое противъ. Поэтому необходимо его обсудить и вынести то или иное опредѣленное рѣшеніе.

Г. А. Рачинскій предлагаетъ видоизмѣнить вопросъ — говорить не о б ъ о б я з а т е л ь с т в ѣ приходской общины повышать содержаніе духовенству въ извѣстныхъ случаяхъ, а только о б ъ е я п р а в ѣ н а э т о.

Свящ. **Н. В. Цвѣтковъ** проситъ къ мотивамъ повышенія содержанія духовенству добавить продолжительность его служенія въ одномъ и томъ же приходѣ.

Прот. **Н. П. Добронравовъ** рѣшительно высказывается противъ принципа многосемейности, какъ основанія для повышенія окладовъ. Тогда съ равнымъ правомъ пришлось бы учитывать и такія случайныя обстоятельства, какъ болѣзнь жены, или наличность множества бѣдныхъ родственниковъ.

П. И. Астровъ не видитъ возможности согласиться съ Г. А. Рачинскимъ и предоставить этотъ вопросъ доброй волѣ прихода. Разъ мы вырабатываемъ твердыя юридическія нормы, мы должны учесть и такой факторъ, какъ образованіе, и учесть, именно, въ положительномъ смыслѣ. Мы уже перешли то время, когда образованіе не цѣнилось. Центръ тяжести теперь перемѣщается, именно, въ эту сторону и мы не имѣемъ права этого игнорировать.

А. И. Покровскій еще болѣе усиливаетъ эту мысль. Коль скоро въ раннѣйшемъ мы стали на почву фиксаціи содержанія духовенства, то не можемъ предоставлять его произволу общины. Отчужденіе нашего духовенства отъ интеллигенціи, невыгодное для него сравненіе его съ западнымъ духовенствомъ, высокая и отвѣтственная роль духовенства въ обновленномъ приходѣ — все это заставляетъ насъ высоко цѣнить образованіе духовенства, а слѣдовательно, и выражать эту оцѣнку въ разницѣ матеріальныхъ окладовъ его содержанія.

С. А. Котляревскій также всецѣло стоитъ за это. Хотя *χάρισμα* священнаго служенія и не зависитъ непосредственно отъ образованія, но послѣднее нисколько ей и не противорѣчитъ. Въ практической жизни образованіе — могущественное орудіе воздѣйствія, какимъ мы и должны вооружить наше духовенство.

Прот. **Н. П. Добронравовъ**, вполнѣ раздѣляя всѣ эти доводы, рѣшительно заявляетъ, что жалованье духовенству съ академическимъ цензомъ должно быть повышено. Если этого не будетъ, то академики не пойдутъ на церковную службу и даже городское духовенство будетъ вербоваться лишь изъ семинаристовъ.

Н. П. Поповъ дѣлаетъ попытку ослабить указанные доводы ссылками и на древнюю исторію (случаи избранія «неграмотныхъ»

епископовъ, еп. Александра угольщика), и на наши времена (Архимандритъ Павелъ Прусскій, еп. Никонъ Вологодскій и т. п.).

Предсѣдатель ставитъ вопросъ на голосованіе и онъ большинствомъ присутствовавшихъ, кромѣ трехъ, рѣшается въ противоположномъ докладу смыслѣ, т.-е., что изъ всѣхъ мотивовъ повышенія окладовъ значеніе имѣетъ только одинъ — различіе образовательнаго ценза, но зато значеніе общеобязательное. На этомъ засѣданіе, за позднимъ временемъ, обрывается, а обсужденіе оставшихся тезисовъ доклада подкоммиссіи рѣшено перенести на ближайшее засѣданіе.

Товарищъ Предсѣдателя коммиссіи
по Церковному праву ***И. Сахаровъ.***

Секретарь ***А. Покровскій.***

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія коммиссіи по Церковному праву при Московскомъ Юридическомъ Обществѣ отъ 26 апрѣля 1912 года.

Въ засѣданіи Коммиссіи, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ П. И. Астрова, присутствовало 15 членовъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими приглашенными лицами. По прочтеніи и утвержденіи протокола предыдущаго собранія, слово было предложено докладчику подкоммиссіи по проекту реформы церковнаго прихода — **Н. П. Попову,** который и прочелъ два послѣднихъ тезиса доклада въ слѣдующей ихъ редакціи: 1) Къ нравственному и матеріальному возрожденію прихода должны быть привлечены монастыри и пустыни, въ видахъ единенія бѣлаго духовенства съ чернымъ на почвѣ общаго служенія идеѣ церковной; 2) разъ установляется единство кассы для церковныхъ и причтовыхъ рессурсовъ прихода, необходимо стремиться къ объединенію и всѣхъ, вообще, средствъ церкви, въ томъ числѣ имуществъ монастырей и архіерейскихъ подворій, а это возможно лишь при условіи общественнаго контроля надъ церковнымъ достояніемъ.

Г. А. Рачинскій высказываетъ нѣкоторое недоумѣніе по поводу того, въ какой же формѣ возможно привлечь монастыри къ общецерковному служенію?

Н. П. Поповъ поясняетъ свою мысль тѣмъ, что ему хотѣлось бы привлечь монастыри не только матеріально, но и морально къ живой, приходской работѣ. Это нравственное служеніе монастырей конкретно могло бы выразиться, напримѣръ въ служеніи просвѣтительнымъ задачамъ прихода. Монастырь могъ бы устроить хорошую церковно-приходскую школу, въ которой бы обучались дѣти сосѣднихъ прихожанъ. Или еще: монастырь могъ бы организовать у себя образцовое церковное проповѣдничество, для чего, конечно, свои обычныя аскетическія поученія онъ долженъ замѣнить болѣе живой и современной проповѣдью. Наконецъ, монастырское духовенство могло бы помогать приходскому и въ исправленіи требъ.

А. И. Покровскій выражаетъ принципіальное несогласіе съ такой постановкой вопроса. По его мнѣнію, вопроса о нравственномъ, идейномъ служеніи монашества, при разсужденіи о приходской реформѣ, затрогивать не слѣдуетъ. Судя по характеру всѣхъ нашихъ предыдущихъ разсужденій, мы даже и въ вопросѣ о приходѣ избѣгали говорить о нравственной сторонѣ дѣла. Разумѣется, религіозно-моральное возрожденіе прихода постоянно предносилось передъ нами, какъ идеальная цѣль. Но мы не рисковали конкретно опредѣлять, въ чемъ и какъ должно проявиться такое моральное возрожденіе: наша забота сводилась, прежде всего, къ извѣстной внѣшней, каноническо-юридической реорганизаціи прихода, къ созданію тѣхъ каналовъ, по которымъ могло бы течь это желанное возрожденіе. Тѣмъ болѣе намъ не слѣдуетъ теперь, почти въ концѣ разработки всего церковно-приходскаго проекта, вводить новый и очень важный элементъ — монашество. Вѣдь, приходъ и монастырь — это два совершенно различныхъ института, имѣющихъ свои цѣли и задачи и живущихъ своей особенной жизнью. Въ частности, наше монашество — это цѣлый, огромный и больной вопросъ русской жизни, требующій всесторонняго, спеціальнаго разсмотрѣнія. Въ современномъ монашествѣ такъ много накопилось различныхъ неустройствъ и, въ частности, крупныхъ моральныхъ дефектовъ, что рекомендовать идейно-моральное вліяніе такого монашества на приходскую жизнь будетъ, пожалуй, даже и рискованно. Во всякомъ случаѣ, безспорно то, что монашество — огромный, новый вопросъ, и задѣвать его попутно, мимоходомъ, мы не имѣемъ права. Поэтому, я предлагаю вовсе устранить первый тезисъ — о привлеченіи монастырей къ нравственному служенію прихода и рекомендую ограничиться лишь вторымъ тезисомъ — о привлеченіи монастырей къ матеріальному вспомоществованію.

Съ своей стороны, г. **Покровскій** предложилъ такую редакцію этого тезиса: «Въ соотвѣтствіи съ проектируемой реформой матеріальнаго обезпеченія низшаго духовенства, должно быть въ законодательномъ порядкѣ урегулировано и матеріальное положеніе высшаго. Для этой цѣли должны быть приведены въ извѣстность всѣ наличныя суммы духовнаго вѣдомства — капиталы причтовъ, монастырей, архіерейскихъ домовъ и Св. Синода. Всѣ эти средства должны находиться подъ гласнымъ общественнымъ контролемъ и должны быть пущены въ общую, справедливую разверстку на удовлетвореніе нуждъ вѣдомства и жалованье духовенству».

Н. П. Поповъ, отстаивая свою мысль о моральномъ вліяніи монастырей, указывалъ на важное значеніе идейно-моральнаго элемента и въ каждомъ, чисто юридическомъ актѣ, въ доказательство чего сослался на требованіе «чистой совѣсти» отъ гражданскихъ чиновниковъ.

А. И. Покровскій по поводу этого замѣтилъ, что нельзя такимъ, слишкомъ общимъ выраженіямъ и пожеланіямъ придавать конкретно-юридическаго характера. Въ нашихъ законахъ есть, напримѣръ, и такое категорическое требованіе, что «мужъ долженъ любить свою жену»; но вѣдь это, какъ извѣстно, принудительной силы закона не имѣетъ.

Г. А. Рачинскій говоритъ, что ему, сама по себѣ, также симпатична мысль о привлеченіи возможно бо́льшаго количества силъ къ дѣлу нравственнаго возрожденія прихода. Но въ данномъ случаѣ отъ привлеченія монастырей слѣдуетъ пока отказаться, по практическимъ мотивамъ.

Л. Я. Дудкинъ по поводу редакціи тезиса, предложенной г. Покровскимъ, замѣчаетъ, что она слишкомъ широка. Она захватываетъ монастыри, архіерейскіе дома, суммы Св. Синода, словомъ, всѣ наличныя средства церкви. Но объ этомъ можно и должно говорить не теперь, при реформѣ церковнаго прихода, а позднѣе, когда мы подойдемъ къ епархіальной и даже обще-церковной реформѣ.

Протоіерей **Н. П. Добронравовъ** находитъ, что по существу обѣ предложенныя формулы (и Попова и Покровскаго) не расходятся между собой. Въ обѣихъ центръ тяжести одинъ и тотъ же — вопросъ о матеріальныхъ средствахъ монастырей. Онъ, именно, интересуетъ и насъ въ данномъ случаѣ. Необходимо только къ сдѣланному перечню церковныхъ суммъ присоединить и причтовые капиталы, имѣющіеся при нѣкоторыхъ церквахъ, въ очень внушительныхъ размѣрахъ.

А. И. Покровскій подтверждаетъ предыдущее указаніе, что, дѣйствительно, въ главномъ и существенномъ его формула не

расходится съ формулой г. Попова. Все различіе сводится лишь къ тому, что онъ предлагаетъ исключить вовсе рѣчь о нравственномъ служеніи монастырей.

Н. П. Поповъ также соглашается признать вторую формулу практичнѣе, хотя еще разъ подчеркиваетъ, что ему своей формулой хотѣлось оттѣнить и различную идеологію бѣлаго и чернаго духовенства, что желательно было бы устранить.

Л. Я. Дудкинъ во второй редакціи тезиса (г. Покровскаго) усматриваетъ нѣкоторую неточность въ выраженіи объ «общей развертцѣ» всѣхъ церковныхъ суммъ, могущихъ имѣть и свои спеціальныя назначенія, и предлагаетъ изъ обѣихъ формулъ выработать новую, сводную редакцію ихъ.

П. И. Астровъ въ этомъ смыслѣ дѣлаетъ резюме и ставитъ вопросъ на голосованіе. Но въ это время, по мотивамъ голосованія, слово беретъ профессоръ **Н. А. Заозерскій,** дающій новое направленіе самымъ дебатамъ. Онъ рѣшительно возстаетъ противъ всякой рѣчи о привлеченіи монастырей не только къ моральному, но и къ матеріальному служенію приходу. Для насъ слишкомъ достаточно и одной рѣчи о приходѣ, къ чему мы будемъ приплетать сюда еще и монастыри съ ихъ суммами? Монастыри — самостоятельныя, юридическія организаціи и мы не имѣемъ даже и права залѣзать, такъ сказать, въ чужой карманъ. Мы должны строго держаться самыхъ опредѣленныхъ приходскихъ рамокъ; а всѣ эти рѣчи о средствахъ монастырей, церквей, архіерейскихъ подворій и самого Св. Синода, какъ выходящія за рамки нашей прямой задачи, пока должны быть совершенно оставлены.

Л. Я. Дудкинъ, соглашаясь съ предшествующимъ ораторомъ, находитъ, что вопросъ нами слишкомъ расширенъ, почему мы до сихъ поръ и не могли найти удовлетворительной его формулы. Теперь выясняется, что всего этого вопроса не слѣдуетъ ставить въ столь категорической формѣ. Однако, въ видѣ пожеланія все же не лишне какъ-нибудь выразить и его.

А. И. Покровскій, наоборотъ, совершенно не согласенъ съ такимъ взглядомъ и находитъ его непріемлемымъ, какъ съ принциціальной, такъ и съ практической стороны. Принципіально, онъ противъ такого насильственнаго суживанія приходской реформы. Вѣдь, мы все время разсматривали реформу церковнаго прихода, какъ начало общецерковной реформы и въ свѣтѣ дальнѣйшей болѣе общей и широкой реформы. Одинъ изъ ранѣе принятыхъ нами тезисовъ буквально гласитъ слѣдующее: «реформа церковнаго прихода, чтобы не остаться мертвой буквой, необходимо требуетъ и соотвѣтственной дальнѣйшей реформы всего церковнаго строя».

Да и на самомъ дѣлѣ, развѣ возможно допустить какую-нибудь новую, плодотворную и живую работу реформированнаго прихода, если все вокругъ него и выше него останется по старому: и благачинный, и консисторія, и секретарь? Вѣдь тогда все останется въ старомъ тупикѣ и замретъ, не начавши и жить.

Съ практической точки зрѣнія предложенное расширеніе церковно-приходскаго вопроса оказалось необходимымъ, главнымъ образомъ, въ вопросѣ о матеріальномъ содержаніи приходскаго причта. Мы намѣтили три такихъ источника: приходскую кассу, общецерковную и государственную. Второй изъ этихъ источниковъ — общецерковная казна — для насъ совершенно terra incognita, почему и необходимо его выясненіе.

Проф. **Н. А. Заозерскій** снова высказывается противъ привлеченія монастырскихъ суммъ. Онъ признается, что крайне смутно представляетъ себѣ всѣ эти монастырскія суммы, но потому то и не видитъ надобности черпать изъ такого невѣдомаго источника. Обновленный приходъ, вѣроятно, не встрѣтитъ даже и надобности въ этихъ монастырскихъ суммахъ, такъ какъ онъ въ состояніи будетъ обезпечить себя самъ.

О. **Кедровъ** держится того же взгляда. Когда въ приходѣ пробудится новая жизнь, она вольетъ и новыя средства отъ прихожанъ. Въ качествѣ жизненнаго примѣра, онъ сослался на одинъ окраинный московскій приходъ, расположенный въ сосѣдствѣ съ богатымъ монастыремъ. Когда настоятель этого прихода развилъ въ немъ активную приходскую работу, то прихожане, которые раньше и сами ходили и свои средства несли въ монастырь, теперь все это начали отдавать своему приходу. Монастырь понесъ отъ этого чувствительный матеріальный ущербъ, а настоятель монастыря сталъ роптать на такого «попа-революціонера».

А. И. Покровскій снова указываетъ на неправильное суженіе вопроса. Большинство ораторовъ почему-то все время говоритъ о монастыряхъ и монастырскихъ суммахъ. Но, вѣдь, наша постановка — гораздо шире: мы ставимъ вопросъ объ общецерковной кассѣ, куда монастыри входятъ лишь, какъ одна изъ частей и даже быть-можетъ далеко не самая крупная. Впрочемъ, вопросъ о монастыряхъ — наиболѣе теменъ, какъ призналъ это и нашъ почтенный канонистъ — проф. Заозерскій. Уже одно это требуетъ его обстоятельнаго выясненія. Но, повторяю, рѣчь идетъ не объ однихъ монастырскихъ суммахъ, но о суммахъ всей церкви. А этотъ вопросъ мы необходимо должны выяснить, такъ какъ къ нему обязываемся всѣмъ логическимъ ходомъ нашихъ раннѣйшихъ разсужденій.

Проф. **Н. А. Заозерскій** все же предлагаетъ пока удовлетвориться одной приходской реформой. Не надо захватывать слишкомъ многаго, чтобы получить что-нибудь реальное. Если бы намъ удалась только пока одна реформа церковнаго прихода, главнымъ образомъ, полученіе имъ правъ юридическаго лица, то и это было бы огромнымъ шагомъ впередъ, который съ теченіемъ времени позволилъ бы намъ двинуться и дальше. Но пока нужно сдѣлать только одинъ первый шагъ, а не скакать сразу по всему пути.

Прот. **Н. И. Боголюбскій** вспоминаетъ, что въ одномъ изъ нашихъ раннѣйшихъ рефератовъ о приходѣ (о. Цвѣткова) не мало говорилось и объ его нравственномъ возрожденіи; но о возрожденіи внутреннемъ, самостоятельномъ, безъ посторонней внѣшней помощи, напримѣръ монастырей. Поэтому, вмѣстѣ съ проф. Заозерскимъ, онъ предлагаетъ не затрогивать совсѣмъ монастырей. Довольно будетъ и одного всесторонняго пробужденія самого церковнаго прихода, чтобы его жизнь расцвѣла. А это отразится и на всей церковной жизни, въ частности, даже и на самомъ монашествѣ, члены котораго вербуются также изъ бывшихъ прихожанъ. Весьма взможно, что тогда и монастыри сами добровольно захотятъ прійти своими средствами на помощь обновленному приходу. А принудительно этого добиваться не слѣдуетъ.

Н. П. Поповъ въ возникшемъ разногласіи усматриваетъ нестолько качественную, сколько количественную разницу — программу minimum и maximum.

Г. А. Рачинскій — освѣщаетъ вопросъ о гласномъ общественномъ контролѣ всѣхъ церковныхъ суммъ въ томъ смыслѣ, что этотъ контроль, или отчетность должны производиться передъ подлежащими установленіями, а не передъ какими-либо гражданскими властями и даже не передъ Государственной Думой. Церковь даетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только церковнымъ людямъ, т.-е. привлеченнымъ къ активной работѣ въ жизни церкви, а не случайнымъ и внѣшнимъ по отношенію къ ней лицамъ.

Проф. **Н. А. Заозерскій** къ сказанному имъ раньше находитъ нужнымъ добавить, что приходу не только не придется ничего получать отъ центральнаго вѣдомства, но наоборотъ — еще ему же платить. Вѣдь, всѣ, напримѣръ, духовно-учебныя заведенія, существуютъ, главнымъ образомъ, на общеприходскія средства — такъ называемыя кошельковыя и свѣчныя.

Л. Я. Дудкинъ усматриваетъ въ этомъ только новый мотивъ къ тому, чтобы выяснить всѣ наличныя платежныя силы и средства церкви.

Г. П. Филько предлагаетъ это пожеланіе выставить не въ видѣ отдѣльнаго заключительнаго тезиса, а въ формѣ дополненія къ одному изъ раннѣйшихъ, гдѣ говорилось о матеріальномъ содержаніи приходскаго духовенства.

Г. А. Рачинскій говоритъ, что ему понятенъ внутренній паѳосъ тѣхъ ораторовъ, которые непремѣнно хотятъ выясненія всѣхъ церковныхъ суммъ. Очевидно, ихъ интересуетъ, откуда берутся и куда дѣваются приходскія суммы?

А. И. Покровскій съ удовольствіемъ констатировалъ, что ходъ преній привелъ насъ къ ясному логическому выводу. Современный приходъ около 75% своихъ суммъ отдаетъ разнымъ центральнымъ органамъ (епархіи и синоду). Обновленный приходъ, разумѣется, этого не пожелаетъ дѣлать; недаромъ уже давно слышатся жалобы и нареканія на такой порядокъ, а по мѣстамъ это недовольство выражается и еще рѣзче. Необходимо, слѣдовательно, будетъ этотъ вопросъ поставить и разрѣшить во всемъ его объемѣ. Отсюда, ясна самая непосредственная связь приходской реформы съ общецерковной кассой.

Всѣ присутствующіе находятъ это вполнѣ удачнымъ разрѣшеніемъ вопроса и **Г. А. Рачинскій** предлагаетъ слѣдующую его формулу: «Принимая во вниманіе, что и при новой организаціи прихода не исключается возможность нѣкотораго обложенія его на общецерковныя нужды, представляется положительно необходимымъ точное выясненіе всѣхъ церковныхъ суммъ (капиталовъ церквей, монастырей, архіерейскихъ домовъ, Св. Синода и пр.), съ цѣлью ихъ правильнаго урегулированія и соотвѣтственнаго распредѣленія». Формула эта принимается единогласно.

Затѣмъ, секретарь Коммиссіи **А. И. Покровскій** дѣлаетъ краткій докладъ объ окончательной редакціи всего проекта церковно-приходской реформы, въ слѣдующихъ тезисахъ.

Коммиссія по церковному праву, состоящая при Московскомъ Юридическомъ Обществѣ, большую часть времени изъ перваго года своего существованія, посвятила разработкѣ крайне важнаго и нужнаго вопроса, стоящаго на ближайшей законодательной очереди — о реформѣ церковнаго прихода.

Въ результатѣ своихъ работъ она пришла къ слѣдующихъ, совмѣстно выработаннымъ тезисамъ.

1) Церковный приходъ долженъ быть реорганизованъ по духу канонической соборности въ «малую церковь», т.-е. въ автономную церковно-общественную единицу, состоящую въ каноническомъ союзѣ со своимъ епископомъ и надѣленную всѣми правами юридическаго лица.

2) Распоряженіе дѣлами прихода принадлежитъ общеприходскому собранію, изъ клира и всѣхъ полноправныхъ прихожанъ обоего пола, и его исполнительному органу — выборному приходскому совѣту, изъ 10—12 членовъ. Подробности регламентаціи собранія и совѣта, и самый кругъ ихъ дѣятельности, на первыхъ порахъ, очерчиваются примѣнительно къ «нормальному проекту церковнаго прихода», выработанному IV отдѣломъ предсоборнаго Присутствія 1905 года. Напоминаемъ, что главными функціями обновленнаго прихода здѣсь указываются выборное начало духовенства, экономическое благоустройство прихода и его широкая благотворительная и культурно-просвѣтительная работа.

3) Реформа церковнаго прихода, чтобы не остаться мертвой буквой, необходимо требуетъ соотвѣтствующей дальнѣйшей реформы всего церковнаго строя, на основѣ тѣхъ же самыхъ началъ — церковной соборности и общественнаго представительства. Всѣ наличные органы церковнаго управленія и суда — благочинные, консисторіи и ихъ секретари — должны быть упразднены и замѣнены новыми коллегіальными органами изъ выборныхъ представителей клира и мірянъ, такъ чтобы вся церковь представляла изъ себя правильную градацію концентрически расширяющихся круговъ (приходъ, благочиніе, епархіальный совѣтъ, синодальный совѣтъ).

4) Матеріальное обезпеченіе духовенства устраивается на новыхъ началахъ. Всѣ виды натуральныхъ и поручныхъ сборовъ духовенства отмѣняются, и духовенство получаетъ свое содержаніе изъ приходской кассы съ воспособленіемъ отъ земства, или непосредственно отъ государства. Въ интересахъ устойчивости и единства, жалованье духовенства нуждается въ опредѣленной его фиксаціи, которая можетъ быть пока установлена въ размѣрахъ, указанныхъ въ законодательномъ предположеніи 51 члена Государственной Думы, именно — 1200 руб. для священника, 800 рублей для діакона и 400 руб. для псаломщика (за норму взятъ сельскій приходъ).

5) Совершеніе общественнаго богослуженія, преподаяніе таинствъ и выдача метрическихъ актовъ производятся духовенствомъ безплатно. Необязательныя же требы точно перечисляются и таксируются.

6) Въ цѣляхъ повышенія культурнаго и образовательнаго уровня духовенства, вводится соотвѣтственная градація окладовъ духовенству по различнымъ обвазовательнымъ цензамъ: академическимъ, семинарскимъ и ниже семинарскаго. Учитываются также различія городскихъ и сельскихъ приходовъ.

7) Принимая во вниманіе, что и при новой организаціи прихода не исключается возможность нѣкотораго обложенія его на обще-церковныя нужды, представляется положительно необходимымъ полное выясненіе всѣхъ церковныхъ суммъ (капиталовъ причтовыхъ, монастырскихъ, архіерейскихъ домовъ, св. Синода), съ цѣлью ихъ точнаго урегулированія и правильнаго распредѣленія.

Докладъ этотъ, съ небольшими корректурными поправками, также единогласно принимается всѣми присутствующими, при чемъ выражается пожеланіе объ его опубликованіи въ газетахъ.

Наконецъ, по послѣднему пункту повѣстки — о дальнѣйшемъ планѣ работъ Церковно-правовой коммиссіи на осеннее полугодіе — Секретарь Коммиссіи г. **Покровскій** доложилъ, что президіуму заявлено о желаніи нѣкоторыхъ членовъ прочесть рефераты на темы: 1) о старообрядчествѣ, 2) о хлыстовщинѣ и новѣйшихъ сектахъ — іоннитахъ, киселевцахъ и т. п. Кромѣ того, намѣчаются еще темы о созывѣ собора, о патріаршествѣ, о реформѣ духовной школы и проч. Проф. **Н. А. Заозерскій**, съ своей стороны, заявилъ о желаніи сдѣлать докладъ по вопросу «О поводахъ къ разводу».

По мнѣнію секретаря, Коммиссія должна рѣшить вопросъ, какъ быть со всѣми этими темами? Здѣсь есть и широкія, принципіальныя, но крайне интересныя темы, разработка которыхъ могла бы, однако, у насъ очень затянуться, какъ показываетъ опытъ нынѣшняго года. Но есть и много болѣе мелкихъ, жизненно-необходимыхъ вопросовъ, съ которыми нерѣдко приходится сталкиваться и практическому юристу, почему мы должны удѣлить вниманіе и этимъ докладамъ.

По предложенію **Г. А. Рачинскаго,** Коммиссія нашла возможнымъ совмѣстить и тѣ и другія темы въ такомъ видѣ: сама Коммиссія будетъ заниматься, преимущественно, разработкой болѣе мелкихъ, конкретныхъ, жизненно-практическихъ вопросовъ. А общіе вопросы, въ родѣ вопроса о патріаршествѣ или соборѣ, она будетъ предлагать Совѣту Юридическаго Общества для докладовъ освѣдомительнаго характера, съ цѣлью ознакомленія широкой публики съ постановкой этихъ вопросовъ въ исторіи церкви и церковномъ правѣ.

Предсѣдатель коммиссіи
по Церковному праву ***П. Астровъ.***

Секретарь ***А. Покровскій.***

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія коммиссіи по Церковному праву отъ 6 ноября 1912 года.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ П. И. Астрова въ составѣ 20 дѣйствительныхъ членовъ, вмѣстѣ съ приглашенными лицами.

Заслушанъ былъ рефератъ **Н. А. Заозерскаго**: «Государство и церковь въ дѣлѣ законодательства о поводахъ къ разводу». Его главное содержаніе таково.

Современное положеніе бракоразводнаго процесса стоитъ у насъ ниже всякой критики и настоятельно требуетъ самой серьезной оздоровительной реформы. Церковныя препятствія и затрудненія развода сложились у насъ довольно случайно и сравнительно недавно. Въ теченіе всего до-синодальнаго періода никакого спеціальнаго русскаго законодательства объ этомъ не существовало. Единственнымъ руководствомъ служила Кормчая книга, гдѣ бракоразводный процессъ былъ разработанъ византійскими императорами и рецепированъ церковью. Здѣсь онъ трактуется достаточно свободно и широко. Первый спеціально-русскій законъ о разводѣ — это указъ Петра Великаго отъ 12 апрѣля 1722 года «вины развода брачнаго». Но начало существующей бракоразводной практикѣ было положено почти столѣтіемъ позже, именно въ 1810 года въ министерство князя Голицына, создавшаго крѣпостную охрану брака церковью. Отсюда все это попало и въ «Сводъ Законовъ». Предсоборное Присутствіе 1905/6 годовъ взглянуло было на дѣло просвѣщеннѣе и шире; но цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ передѣлокъ въ особыхъ совѣщаніяхъ и въ оберъ-прокурорскихъ канцеляріяхъ, все это снова было возвращено къ первоначальному состоянію, т.-е. къ Голицынской формулѣ. Итакъ, главная суть дѣла — въ анализѣ и критикѣ, именно, этой формулы, сводящей весь объемъ законныхъ поводовъ развода къ одному евангельскому казусу: «развѣ словесе прелюбодѣйна».

Формула князя Голицына 1) не полна, 2) въ ней мало юридической логики и 3) она не отвѣчаетъ дѣйствительнымъ фактамъ исторіи, какъ восточной, такъ и русской церкви, и даже больше того — содержитъ клевету и ложь въ отношеніи къ прошлому греческой и древне-русской церкви.

Въ общемъ, древне-каноническое право очень строго относительно крѣпости брачнаго союза, почти строже самого Евангелія. Такъ, напримѣръ 9-е правило Василія Великаго вовсе не позволяетъ женѣ искать развода, даже и при доказанной винѣ мужа. Но послѣдующее развитіе брачнаго права ослабило эти узы. Такъ 48-е правило Трулльскаго или VI вселенскаго собора позволяетъ супругамъ расходиться безъ всякихъ формальныхъ поводовъ, по одному «взаимному согласію» въ томъ случаѣ, когда мужъ становится епископомъ. Въ особенности замѣчательно 115-е правило Карѳ. собора, которое по вопросу о законномъ разводѣ супруговъ выноситъ такое постановленіе: «потребно есть просити, да будетъ изданъ о семъ дѣлѣ царскій законъ».

Второй грѣхъ Голицынской формулы — смѣшеніе морали и права, нравственнаго принципа и юридическаго закона. Евангельскій законъ имѣетъ моральную природу, что доказывается 1) формой его выраженія — не къ судьямъ, а ко всѣмъ людямъ, 2) способомъ его осуществленія — «могій вмѣстити, да вмѣститъ» и 3) неопредѣленно-широкимъ обозначеніемъ самого термина: «вина прелюбодѣйная» — включающимъ даже и нечистый взглядъ на женщину. Слѣдовательно,— это моральная заповѣдь, обращенная ко всему человѣчеству, а не юридическій кодексъ для судебной камеры. Ошибка Голицына въ томъ и состоитъ, что онъ чудный нравственный законъ евангельскій захотѣлъ превратить въ жестокій юридическій законъ.

А коль скоро мы согласимся признать евангельскій законъ о разводѣ въ его моральномъ, а не юридическомъ качествѣ, то eo ipso признаемъ, что и примѣненіе его должно быть предоставлено духовенству, а не судьѣ. Тутъ умѣстна и та строгость, о которой говорится въ правилахъ Василія Великаго. Словомъ, тутъ точка зрѣнія моралиста, богослова, духовника, пастыря, требующая идеальнаго брака.

Наблюденію же и вмѣшательству юриста предлежитъ не идеально счастливый супружескій союзъ, а какъ разъ наоборотъ — реальная сфера супружескаго несчастья, проникнутая то грубо комическими, то глубоко трагическими чертами. Здѣсь всегда въ явномъ или скрытомъ состояніи имѣются и факты чисто уголовнаго характера. Слѣдовательно, вмѣшательство сюда свѣтскаго юриста вполнѣ законно и необходимо.

Воспитанные на древнемъ римскомъ правѣ, византійскіе императоры, начиная съ Юстиніана, отлично это понимали и установили не менѣе, какъ 26 поводовъ къ разводу, о которыхъ говорится въ номоканонѣ. Среди нихъ вы встрѣтите и жестокое обращеніе

и взаимное отвращеніе, и неизлѣчимую болѣзнь, словомъ, почти всѣ тѣ поводы, которыя вошли въ новѣйшій обиходъ всѣхъ культурныхъ націй. Но для насъ важны не столько эти поводы, сколько ихъ мотивировка, допускающая разрывъ брачнаго союза, коль скоро онъ почему-либо не исполняетъ своего назначенія. Въ этомъ отношеніи особенно характерна мотивировка развода, по причинѣ сумасшествія жены, сдѣланная императоромъ Львомъ Мудрымъ, т.-е. тѣмъ самымъ, который и узаконилъ церковный бракъ, отмѣнивъ гражданскій: «Если же вслѣдствіе безумія не приходится слышить даже человѣческаго голоса и нѣтъ никакой другой радости, то кто не захочетъ расторгнуть этотъ несчастный и горькій брачный союзъ?» Любопытно, что византійскій императоръ Юстинъ, преемникъ Юстиніана, одобрилъ даже разводъ по взаимному согласію супруговъ, мотивируя это отсутствіемъ того mutuus consensus, т.-е. взаимнаго расположенія, которое скрѣпляетъ браки. То же подтвердилъ позднѣе и Василій Македонянинъ. И вообще надо замѣтить, что въ греко-восточной церкви законы о поводахъ къ разводу издавали всегда императоры; церковь же лишь рецепировала эти законы и на основаніи ихъ проводила ту или иную бракоразводную практику.

Наше древне-русское брачное право всецѣло отразило на себѣ не только общій духъ, но и самый текстъ греко-восточныхъ номоканоновъ, и поэтому практиковало широкую свободу разводовъ, включительно до «роспустныхъ писемъ», выдаваемыхъ приходскими священниками. Слѣдовательно, оберъ-прокуроръ Голицынъ допустилъ непозволительную клевету и грубую ложь на всю исторію греко-восточной и православной русской церкви, когда заявилъ, что они не знали иныхъ поводовъ развода, кромѣ евангельскаго. Древне-православная церковь всегда съ уваженіемъ относилась къ свѣтскому законодательству въ бракоразводномъ дѣлѣ; и вотъ за это-то послушаніе и уваженіе благочестивые византійскіе императоры и древне-русскіе цари и передали этотъ процессъ въ руки церкви. Процессъ былъ тщательно разработанъ свѣтскимъ законодательствомъ и гражданской практикой, такъ что производство его не могло затруднять и церковныхъ судей (см. примѣры этого въ брошюрѣ проф. **Н. А. Заозерскаго** «Злонамѣренное оставленіе однимъ супругомъ другого, какъ поводъ къ разводу» и проф. **И. И. Соколова** «О поводахъ къ разводу въ Византіи IX—XV в.», 1910 г.).

Выводъ изъ сказаннаго тотъ, что въ дѣлѣ законодательства о поводахъ къ разводу государство не должно быть устраняемо, а должно принять дѣятельное участіе, наряду съ самой церковью и совмѣстно съ ней.

Пренія по выслушанному реферату открылъ **Г. А. Рачинскій**, который началъ съ вопроса, обращеннаго къ докладчику: «Когда происходила рецепція церковью бракоразводнаго процесса, разработаннаго византійскими императорами, то сознавались ли и чисто церковные мотивы развода?» Самъ оппонентъ думаетъ, что едва ли это могло имѣть мѣсто, такъ какъ, проникая въ глубину самого существа церковнаго взгляда на бракъ, мы не видимъ тамъ развода. Пребываніе въ бракѣ для христіанина есть своего рода подвигъ, который онъ и долженъ нести съ терпѣніемъ. Поэтому христіанство можетъ признавать только одинъ бракъ, который, въ сущности, не уничтожается и формальнымъ разводомъ. Аналогію этому оппонентъ усматриваетъ въ таинствѣ священства. Какъ таинство священства налагаетъ нѣкоторую неизгладимую печать на лицо, хотя бы потомъ и лишенное сана,— что доказываетъ неповторяемость этого таинства,— такъ и таинство брака ставитъ двухъ лицъ въ такія отношенія, которыя исключаютъ возможность подобныхъ же сопряженій съ третьими лицами, какими бы условіями эти сопряженія не обставлялись. Выводъ отсюда тотъ, что церковь едва ли можетъ освящать и eo ipso узаконять разводъ и благословлять новыя супружества, при жизни разведенныхъ супруговъ. Церковное право должно опираться на догматику, а догматика не благопріятствуетъ разводу.

Ходъ послѣдующихъ преній перешелъ въ продолжительную, оживленную полемику трехъ канонистовъ — А. И. Покровскаго, Н. Д. Кузнецова и Н. А. Заозерскаго, которые по нѣскольку разъ обмѣнивались репликами. Взгляды каждаго изъ нихъ мы позволимъ себѣ изложить суммарно.

А. И. Покровскій искренно и горячо привѣтствовалъ интересный, свѣжій и убѣдительный докладъ Н. А., подчеркнувъ, въ особенности, двѣ основныхъ его идеи: во-первыхъ, господствующее у насъ смѣшеніе м о р а л и и п р а в а, въ силу чего изъ высокаго евангельскаго идеала хотятъ сдѣлать жестокій юридическій законъ; а, во-вторыхъ, ту глубокую, но, къ сожалѣнію, основательно забытую, историческую истину, что древне-церковное, каноническое право гораздо шире и гуманнѣе трактовало вопросы брака и развода, чѣмъ наше современное. Но, къ великому сожалѣнію, изъ своихъ прекрасныхъ и вѣскихъ посылокъ, докладчикъ сдѣлалъ слишкомъ скромный, не отвѣчающій имъ выводъ. Онъ закончилъ пожеланіемъ: «пусть же государство и церковь рука объ руку идутъ въ дѣлѣ законодательной разработки бракоразводнаго процесса». По нашему же убѣжденію изъ собственнаго его доклада вытекаетъ какъ разъ обратный выводъ, а именно: пусть

церковь и государство *размежуются* въ вопросахъ брачнаго права, и пусть каждая изъ этихъ двухъ заинтересованныхъ сторонъ возьметъ то, что ей дѣйствительно принадлежитъ, т.-е. церковь — моральную, а государство — юридическую часть. Въ особенности, неумѣстно вмѣшательство церкви въ бракоразводный процессъ: вѣдь, если бракъ есть таинство, то дѣло церкви лишь устроять это таинство, а не уничтожать его; иначе церковь выступаетъ въ непонятной и неподходящей для нея роли разрушительницы собственныхъ таинствъ. Разрушеніе таинства брака зависитъ отъ самихъ супруговъ; вмѣшательство церкви ограничивается здѣсь чисто моральнымъ воздѣйствіемъ — увѣщаніемъ супруговъ къ прощенію и примиренію. Но если это увѣщаніе не достигаетъ цѣли, то роль церкви покончена и ей здѣсь дѣлать больше нечего. Разборъ внѣшне-юридическихъ основъ развода и опредѣленіе гражданско-правовыхъ и экономическихъ отношеній распавшагося брачнаго союза — дѣло уже спеціальныхъ органовъ гражданскаго суда. Слѣдовательно, весь бракоразводный процессъ, за исключеніемъ его первичнаго момента — морально-церковнаго увѣщанія, цѣликомъ долженъ быть переданъ въ руки компетентныхъ органовъ гражданской юрисдикціи. Даже больше того, необходимо подобное же отдѣленіе провести и въ бракозаключительномъ процессѣ, гдѣ также должно быть послѣдовательно раздѣлено Божіе отъ Кесарева. Вся тяжелая и отвѣтственная полицейско-юридическая сторона брака, такъ называемый «обыскъ» долженъ отойти къ подлежащимъ органамъ администраціи и суда; за церковью же должно быть оставлено только одно духовное, религіозно-нравственное освященіе брачнаго союза. И это не будетъ какимъ-либо неслыханнымъ новшествомъ, или посягательствомъ на права церкви, а наоборотъ — будетъ лишь очищеніемъ церковнаго права отъ позднѣйшихъ историческихъ наростовъ и возвратомъ къ почтенной и авторитетной канонической старинѣ, къ эпохѣ вселенскихъ соборовъ и церкви первыхъ трехъ вѣковъ. Тяжелый государственно-юридическій аппаратъ былъ пристегнутъ къ церковному браку сравнительно поздно, въ промежутокъ между концомъ IX—XI вѣковъ, по законамъ Льва Философа и Ал. Комнена. До этого же времени вся юридическая сторона брака всецѣло опредѣлялась нормами гражданскаго брака, по римскому праву, въ обработкѣ Юстиніана. Церковный бракъ былъ чуждъ внѣшней юридической регламентаціи и носилъ чисто духовно-нравственный характеръ. Проф. Суворовъ остроумно сравниваетъ его съ водосвятнымъ молебномъ при постройкѣ новаго дома, безъ чего благочестивый человѣкъ не рѣшится начать свою жизнь

въ этомъ домѣ. Такъ и церковный бракъ, онъ былъ для вѣрующаго сознанія христіанина необходимой потребностью; но потребностью его духа и сердца, исключающей какой бы то ни было элементъ юридическаго насилія и правоограниченія.

Н. Д. Кузнецовъ занялъ позицію противоположную и докладчику и первому оппоненту. Онъ находилъ, что конструкція взаимныхъ отношеній средневѣковой Византіи и церкви не примѣнима къ намъ, людямъ XX вѣка. Тамъ господствовала тенденція тѣснѣйшаго сліянія церкви съ государствомъ, почти поглощенія первой со стороны второго. У насъ наоборотъ — сильно чувствуется тенденція отдѣленія церкви отъ государства. Поэтому церковь должна всячески стараться удержать въ своихъ рукахъ все брачное право и отнюдь не передавать его государству. Свѣтскій судъ обсуждаетъ чисто внѣшніе поводы развода, устанавливаетъ только самые факты. Но даже если онъ заглядываетъ и вглубь этихъ фактовъ, то не идетъ дальше, такъ называемой, естественной морали; а она — безрелигіозна. Наоборотъ, духовный судья будетъ дѣйствовать на почвѣ религіозной морали. Во взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ видное мѣсто занимаетъ соціальный элементъ. А вездѣ, гдѣ существуютъ духовныя связи, соціальныя отношенія, непремѣнно должна участвовать и церковь, регулирующая эти отношенія и направляющая ихъ. Но, конечно, все это не означаетъ того, что существующій церковно-брачный процессъ не нуждается въ реформѣ. Реформа здѣсь очень нужна, но реформа внутренняя, которая ставляла бы весь бракоразводный процессъ въ рукахъ духовенства. Вѣдь, внѣшняя, юридически-процессуальная сторона развода совсѣмъ не сложна и не хитра: съ ней легко справятся и наши духовные судьи. Для лицъ же, несостоящихъ дѣйствительными членами церкви, необходимо создать гражданскій бракъ, по подобію уже существующаго у насъ гражданскаго брака для старообрядцевъ.

Н. А. Заозерскій, отвѣчая своимъ оппонентамъ, первому замѣтилъ, что онъ нерѣдко выходитъ за рамки его доклада и ставитъ вопросъ шире, когда, напримѣръ, касается и бракозаключительнаго процесса, тогда какъ у него рѣчь идетъ лишь о бракоразводномъ. Съ другой стороны, приглашая слѣдовать практикѣ древне-вселенской церкви, до IX вѣка, оппонентъ какъ бы дѣлаетъ шагъ назадъ и игнорируетъ послѣдующее развитіе церковно-брачнаго права, за эпоху византійскаго періода, наиболѣе отмѣченнаго разработкой этого права. Второму оппоненту Н. А. поставилъ на видъ, что онъ, игнорируя древне-византійское законодательство, отрицаетъ каноническую традицію и, такъ сказать, подрубаетъ тотъ

сукъ, на которомъ сидитъ. Затѣмъ, у него онъ усматриваетъ опять то же вредное смѣшеніе морали и права и нежеланіе провести необходимую разграничительную линію между ними.

Предсѣдатель собранія **П. И. Астровъ,** резюмируя все бывшее, еще разъ подчеркнулъ глубокій интересъ доклада и важность вызванныхъ имъ преній, которыя еще не пришли къ ихъ полному выясненію и нуждаются въ желательномъ дальнѣйшемъ освѣщеніи.

Затѣмъ, было заслушано письменное предложеніе дѣйствительнаго члена Церковно-правовой коммиссіи **С. П. Мельгунова** относительно собиранія матеріала по правонарушеніямъ въ области старообрядчества и сектантства слѣдующаго содержанія. «За послѣдніе годы систематически возрастаютъ у насъ религіозныя репрессіи. На нашихъ глазахъ учащаются судебные процессы, передъ нами проходитъ вереница административныхъ распоряженій, ограничивающихъ правовое положеніе сектантовъ и приводящихъ къ тому, что преслѣдуемые сектанты начинаютъ уже помышлять объ эмиграціи изъ Россіи, какъ это не разъ бывало въ прежніе годы, до провозглашенія принциповъ свободы совѣсти въ русской государственной жизни. Тяжелая картина возрожденія религіозныхъ гоненій въ обновленномъ государственномъ строѣ должна, по моему мнѣнію, побудить Церковную коммиссію взять на себя иниціативу по детальному обслѣдованію юридическаго положенія тѣхъ группъ населенія, которыя нынѣ подвергаются правоограниченіямъ за свои религіозныя убѣжденія.

Я предлагаю Коммиссіи обратиться черезъ печать съ просьбой сообщать Коммиссіи всѣ могущіе быть зарегистрированными случаи изъ области административныхъ распоряженій, судебныхъ процессовъ, связанные съ вопросомъ объ осуществленіи свободы совѣсти въ Россіи. Не сомнѣваясь, что подобный призывъ найдетъ горячій откликъ со стороны общества, предлагаю уполномочить нѣсколько лицъ для систематизаціи могущихъ поступать свѣдѣній. Такимъ путемъ въ Коммиссіи можетъ быть собранъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики юридическаго положенія различныхъ общественно-религіозныхъ группъ, что имѣетъ не только общественный, но и научный интересъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ бы желательнымъ прочтеніе въ настоящее время соотвѣтствующихъ докладовъ и, между прочимъ, очень важно было бы освѣтить юридическую структуру огромнаго большинства современныхъ сектантскихъ процессовъ, базирующихся почти исключительно на почвѣ неправильнаго примѣненія ст. 96 Уг. Улож. Не имѣя возможности присутствовать на засѣданіи, за выѣздомъ изъ Москвы, заранѣе выражаю полную готовность принять посильное участіе въ пред-

лагаемой работѣ». Постановили принять это предложеніе и даже расширить его въ смыслѣ обслѣдованія всего юридическаго и бытового положенія старообрядцевъ и сектантовъ, при чемъ рѣшено просить С. П. прочесть докладъ по возбужденному имъ интересному вопросу, и уже послѣ него имѣть сужденіе о детальной разработкѣ самой опросной программы.

Предполагавшіеся выборы президіума, по предложенію В. С. Малченко, рѣшено отложить до января мѣсяца, въ интересахъ соглашенія отчетнаго года Церковно-правовой коммиссіи съ общимъ отчетомъ Юридическаго Общества.

Предсѣдатель коммиссіи
по Церковному праву ***П. Астровъ.***

Секретарь ***А. Покровскій.***

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія коммиссіи по церковному праву отъ 14 декабря 1912 года.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ **П. И. Астрова** въ составѣ пятнадцати членовъ Церковно-правовой коммиссіи, вмѣстѣ съ нѣсколькими приглашенными лицами.

Послѣ чтенія и утвержденія протокола предыдущаго засѣданія вниманію присутствующихъ былъ предложенъ докладъ дѣйствительнаго члена **А. И. Покровскаго** на тему: «Вопросы брака и развода въ свѣтѣ исторіи и каноническаго права». Основное содержаніе доклада, вкратцѣ, таково.

Еще при обсужденіи предыдущаго доклада **Н. А. Заозерскаго**, затрагивавшаго нашъ бракоразводный процессъ, выяснилась вся важность и необходимость расширить рамки вопроса — взять не одинъ бракоразводный, но и раннѣйшій, бракозаключительный процессъ, такъ какъ оба этихъ момента, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ, взаимно связаны, и мы не можемъ говорить о второмъ, послѣдующемъ, т.-е. бракоразводномъ моментѣ, безъ перваго, предыдущаго, бракозаключительнаго момента. Отсюда необходимо посмотрѣть на дѣло шире, взять проблемму христіанскаго брака во всемъ ея объемѣ.

Исторія брака — это, въ сокращеніи, вся всемірная исторія цивилизаціи и культуры человѣчества. Институтъ брака, быть-

можетъ, самый чувствительный барометръ, отражающій на себѣ господствующіе религіозные, нравственные, соціальные, экономическіе и юридическіе взгляды, отношенія и настроенія эпохи. Справедливость этого утвержденія легко было бы доказать и богато иллюстрировать, если бы не боязнь затянуть докладъ и отойти нѣсколько въ сторону отъ главной темы доклада — исторіи христіанскаго брака. Поэтому, позволю себѣ указать только на соотвѣтствующую литературу предмета — въ общихъ курсахъ исторіи культуры — Тайлора, Леоббока, Спенсера и въ болѣе спеціальныхъ монографіяхъ, именно, по исторіи брака — Rossbach'a , Farner'a, Freisen'a, Friedberg'a, Esmein'a, Unger'a и русскихъ ученыхъ — Ковалевскаго, Соколовскаго, Азаревича, Казанцева, Бердникова, Суворова, Темниковскаго и Громогласова.

Во всѣхъ этихъ трудахъ прочно устанавливается такая послѣдовательность этаповъ развитія брака въ до-христіанскій періодъ. Въ патріархальную эпоху бракъ былъ главнымъ учрежденіемъ домашней религіи, — культа «семейнаго очага», посредствомъ котораго представители двухъ родовъ входили между собою въ родственный союзъ. Развившаяся изъ основъ патріархальной семьи городская община наложила свой муниципальный отпечатокъ и на институтъ брака, который изъ рукъ главы семьи, или рода переходитъ въ руки органовъ муниципальной власти—жрецовъ, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и архонтами - базилевсами. Когда жреческая аристократія, послѣ ожесточенной борьбы эвпатридовъ съ тетами (въ Греціи) и патриціевъ съ плебеями (въ Римѣ), принуждена была подѣлиться властью и съ болѣе демократическими слоями, бракъ, впервые, началъ «лаизироваться»: изъ чисто-религіознаго института онъ постепенно становится «экономической сдѣлкой», въ которой на первый планъ выступаетъ «спонсальный» или договорный элементъ. Но обѣ этихъ формы брака характеризуются еще полнымъ отсутствіемъ правъ женщины: въ нихъ царитъ potestas patria et manus maritis. Впервые, личность женщины выступаетъ лишь въ болѣе позднемъ римскомъ бракѣ — per usum, т.-е. въ такомъ бракѣ, который скрѣплялся самымъ фактомъ годичнаго сожительства мужчины и женщины, если послѣдняя противъ него не протестовала.

Но, вотъ, подъ вліяніемъ Jus gentium къ римлянамъ проникаютъ и болѣе свободные браки — sine manu: бракъ претерпѣваетъ, такимъ образомъ, дальнѣйшую эволюцію — изъ экономической сдѣлки онъ превращается въ свободно-моральный союзъ, гдѣ на первый планъ выступаетъ mutuus consensus, т.-е. взаимное добровольное согласіе брачущихся. Такая свобода брака, на первыхъ порахъ, привела было къ распущенности нравовъ, столь характерной

для эпохи упадка второй республики Рима. Но съ началомъ второй римской имперіи, подъ воздѣйствіемъ ограничительныхъ законовъ императоровъ Августа и Тиверія, а еще болѣе подъ вліяніемъ философовъ-моралистовъ эпохи Августа и Марка Аврелія, моральный характеръ брака крѣпнетъ и въ знаменитой формулѣ римскаго юриста начала III вѣка Гереннія Модестина: «бракъ есть соединеніе мужа и жены, союзъ ихъ на всю жизнь, общеніе въ божескомъ и человѣческомъ правѣ» — достигаетъ кульминаціонной точки своего развитія. Вся послѣдующая исторія брака въ христіанскомъ мірѣ, въ сущности, не прибавила къ античному браку ничего: она давала лишь повторенія, колебанія, примѣры возврата назадъ и порывовъ впередъ, словомъ, какое-то волнообразное движеніе, но все въ тѣхъ же самыхъ берегахъ.

Дѣлая отъ этой античной старины огромный скачокъ къ нашей современности, мы должны констатировать, что барометръ брака стоитъ у насъ на «перемѣнно», такъ какъ наличное состояніе брачнаго права рѣшительно никого не удовлетворяетъ и всѣ говорятъ объ его реформѣ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ рядъ правительственныхъ попытокъ со стороны свѣтской власти раскрѣпостить бракъ и передать его, хотя отчасти, въ моментѣ бракоразводномъ, въ свѣтскій судъ. Попытки эти были сдѣланы въ самомъ началѣ XIX вѣка — при составленіи Гражданскаго Уложенія, въ серединѣ его — при редакціи Уголовнаго Судопроизводства, и въ самомъ концѣ, точнѣе — даже, въ началѣ XX вѣка, при пересмотрѣ и новомъ изданіи этихъ Уложеній. Къ сожалѣнію, всѣ подобныя попытки не имѣли никакого успѣха, потому что ударялись о глухую стѣну правящей церковной власти, забронировывавшейся ссылками на догматику, канонику и исторію церковнаго брака, якобы не позволяющія никакого свѣтскаго вмѣшательства въ это спеціально духовное дѣло.

Задача моего реферата и состоитъ, именно, въ томъ, чтобы кратко, но возможно объективно освѣтить, какова же была дѣйствительная историческая картина развитія брачнаго права въ христіанской церкви, — ея каноникѣ и догматикѣ? Отвѣчала она, или не отвѣчала тѣмъ узко-консервативнымъ, строго-ригористическимъ взглядамъ и той исключительно-церковной монополіи брака, которую проповѣдуетъ современная церковная власть, опирающаяся на авторитетъ древней церкви и говорящая отъ ея имени?

Прежде всего, мы категорически заявляемъ, что ни Самъ Іисусъ Христосъ, ни его ученики-апостолы не оставили намъ никакой положительной ни теоріи, ни практики брака, т.-е. ни его догмата, ни его обряда. Защитники обычнаго, ходячаго взгляда основы-

ваются на словахъ Христа: «сего ради оставитъ человѣки отца своего и матерь...» (Мѳ. 19, 5—6), повторенныхъ и у ап. Павла съ добавкой словъ: «тайна сія велика есть, азъ же глаголю во Христа и въ церковь» (Еф. V, 31—32). Но, вѣдь, эти слова представляютъ буквальное повтореніе ветхозавѣтнаго Моисеева законодательства, заимствованныя, въ свою очередь, еще отъ райскаго благословенія Богомъ первозданной четы (Быт. II, 24—25 ст.). Значитъ, ни о какомъ спеціально-христіанскомъ характерѣ ихъ не можетъ быть и рѣчи. Прямой и единственно возможный смыслъ этихъ словъ тотъ, что они говорятъ о бракѣ по его изначальному существу, по его натурной, психо-физіологической основѣ и никакого отношенія къ церковной формѣ христіанскаго брака не имѣютъ, хотя бы даже уже по одному тому, что все это имѣло мѣсто за много вѣковъ, даже тысячелѣтій до начала христіанской эры.

Первенствующая христіанская церковь, въ силу преобладавшихъ въ ней отчасти аскетическихъ, а главное — эсхатологическихъ воззрѣній, принципіально не была заинтересована въ бракѣ, а практически, его даже избѣгала. Никакого положительнаго строительства въ области земной жизни — ея соціально-экономическаго и правового уклада мы долгое время совершенно не замѣчаемъ въ древней церкви. Наоборотъ, церковь какъ бы поддерживаетъ и освящаетъ весь наличный государственный и соціальный строй: отсюда и молитвы за языческую власть и призывъ къ рабамъ повиноваться ихъ господамъ. «Кто меня поставилъ дѣлить и судить между вами?» «Міръ во злѣ лежитъ: не любите міра всего, что въ немъ, потому что все это похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская» (I Іо. 1, 15—16). «Наше отечествіе на небесахъ» Филип., I, 20). «Новаго неба и новой земли чаемъ, въ нихъ же одна правда живетъ» (II Петра, 3, 13). «Время уже близъ есть... Христосъ при дверехъ» (I Петра, 4, 7, 12, 17; II Петра, 3, 9 и др.) — вотъ доминирующія ноты раннѣйшаго христіанства, безусловно вліявшія и на его отношеніе къ браку, какъ это можно видѣть хотя бы изъ словъ Тертулліана: «время теперь прекращенно... посему и имущимъ женъ такъ надо вести себя, подобно неимущимъ ихъ», а не обязываться новыми браками.

Исходя изъ такой практической идеологіи, первенствующая церковь, слѣдовательно, и психологически не могла заниматься вопросами брачнаго строительства. Фактически же она цѣликомъ приняла то античное брачное право, какое существовало тогда въ греко-римскомъ мірѣ, т.-е. гражданскій бракъ по нормамъ римскаго права. Не входя въ подробныя доказательства этой общеизвѣстной истины, сошлюсь лишь на свидѣтельство одного

почтеннаго канониста, особенно авторитетнаго въ вопросахъ брачнаго права, именно, на еп. Никодима Милаша, который говоритъ буквально слѣдующее: «въ первыя времена церкви и въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ бракъ имѣлъ лишь гражданское значеніе и подлежалъ гражданской юрисдикціи, безъ всякаго непосредственнаго отношенія къ церкви» (Церковное право, 575 стран.). Цѣлый карѳ. соборъ 407 года офиціально удостовѣрилъ, что брачныя дѣла онъ считаетъ себѣ не подвѣдомственными, а относитъ ихъ къ компетенціи свѣтской власти, когда своимъ 115 правиломъ постановилъ относительно желательнаго ограниченія въ разводѣ, что «потребно есть просити, да будетъ изданъ о семъ дѣлѣ царскій законъ».

Довольно рано, впрочемъ, почти съ начала II вѣка (у Игн. Б.) становится замѣтнымъ и нѣкоторое участіе церкви въ брачномъ вопросѣ. Но это участіе не имѣло ни сакраментальнаго характера, ни юридической силы. Оно было не болѣе, какъ «добавочнымъ благословеніемъ» новобрачныхъ, имѣвшимъ чисто моральный характеръ и развѣ еще — информаціонное значеніе для членовъ самой христіанской общины. Если же у нѣкоторыхъ церковныхъ писателей — Тертул. Августина и др. — къ термину matrimonium добавляется и эпитетъ sacramentum, то лишь въ смыслѣ указанія на глубочайшую, внутренно-мистическую, психо-физіологическую природу брака (какъ и въ Моисеевомъ законод.), а отнюдь не въ смыслѣ опредѣленія спеціально-христіанскаго ученія о таинствѣ брака. Справедливость этого краснорѣчиво подтверждается и анализомъ древнѣйшаго историческаго матеріала, добросовѣстно собраннаго Duchesn'емъ изъ древне-римскихъ служебниковъ — львовскаго VI вѣка, геласьевскаго VII вѣка и грегоріанскаго IX вѣка. (Les Orig. du culte chrétienn, 413 p.

Процессъ замѣны гражданскаго брака церковнымъ имѣлъ сравнительно позднюю и довольно медленную эволюцію: начавшись въ VI вѣкѣ 74-й новеллой Юстиніана, имѣя продолженіе въ эклогахъ императоровъ иконоборевъ Льва Исаврянина и Константина Компронима (VIII в.), онъ получилъ свое завершеніе лишь въ эдиктахъ Льва Мудраго (конецъ IX в.) и Алексѣя Комнина (конецъ XI в.). Послѣдній двухъ-вѣковой періодъ, въ сущности, и должно считать той завершительной эпохой, когда церковный бракъ вытѣснилъ собой гражданскій и всталъ на его мѣсто.

Но и послѣ этого византійскіе императоры не переставали законодательствовать въ области брачнаго права, какъ это, съ новыми фактами въ рукахъ, убѣдительно доказалъ намъ въ своемъ недавнемъ рефератѣ проф. Н. А. Заозерскій; а нѣсколько раньше,

то же сдѣлалъ и петербургскій византологъ проф. И. И. Соколовъ въ своей статьѣ: «О поводахъ къ разводу въ Византіи IX—XV вв.».

Въ нашей русской церкви безусловная обязательность церковнаго брака прививалась еще туже: бытовыя формы бракозаключеній, въ родѣ хожденія къ рѣкѣ, непристойныхъ игрищъ, пѣсенъ и плясокъ были широко-народнымъ явленіемъ, съ которымъ долго и тщетно боролись наши святители. Рядъ выразительныхъ жалобъ на эти своеобразные гражданскіе, или, по терминологіи памятниковъ, «невѣнчальные браки» идетъ черезъ всю исторію Кіевской и Московской Руси, почти до конца патріаршаго періода (митрополиты — Іоаннъ II, Фотій, Кипріанъ, Стоглавъ и Большой Московскій соборъ 1667 г.).

Что касается Западной церкви, то она еще меньше, чѣмъ Восточная, придавала значенія внѣшней, церковно-обрядовой сторонѣ брака. Она удержала римско-языческую точку зрѣнія на матерію (mutuus consensus) и форму брака (copula carnalis), какъ это съ совершенной ясностью открывается изъ письма папы Николая I отъ 866 года къ новопросвѣщенной болгарской церкви. Послѣдующее брачное законодательство папъ Иннокентія и Александра ввело еще лишь элементъ публичности, для юридической скрѣпы брака. Даже брачная формула Тридентскаго собора и та, согласно комментарію проф. Суворова, «для дѣйствительности брака требуетъ не столько священнодѣйствія, сколько присутствія народа и выслушанія имъ брачнаго заявленія, хотя бы сдѣланнаго и внѣ храма».

Столь же медленно, колебательно и неувѣренно шло и догматическое признаніе брака за церковное таинство. Не только за эпоху вселенскихъ соборовъ, но и позже, у такихъ отцовъ православно-восточной догматики, какъ Іоаннъ Дамаскинъ (VIII в.) и Ѳеодоръ Студитъ (IX в.) мы еще не находимъ упоминанія о таинствѣ брака. Впервые изъ восточныхъ писателей опредѣленно называетъ бракъ таинствомъ лишь византійскій канонистъ конца XII вѣка Ѳ. Вальсамонъ, за нимъ — монахъ Іовъ, конца XIII вѣка и, наконецъ, Симеонъ Солунскій (полов. XV в.), отведшій таинству брака послѣднее мѣсто въ седьмерицѣ церковныхъ таинствъ. Еще больше разнообразія въ количествѣ и распорядкѣ таинствъ допускала западно-католическая, средневѣковая догматика, насчитывавшая отъ четырехъ до тридцати таинствъ, но долгое время отводившая браку одно изъ послѣднихъ мѣстъ, въ ряду, такъ называемыхъ, «просто полезныхъ таинствъ».

Съ конца XV—XVII вѣковъ западно-римская точка зрѣнія на бракъ получила доступъ и къ намъ, попавъ въ наши символическія

книги и каноническіе сборники, какъ-то: въ Большой Катехизисъ, Требникъ Петра Могилы и Кормчую, позднѣйшей редакціи, гдѣ образовала знаменитую 50-ю главу «о таинѣ брака». Отсюда въ позднѣйшей русской догматикѣ и каноникѣ по вопросамъ брака получилась страшная путаница восточныхъ и западныхъ взглядовъ.

Единственно правильный, логическій и въ то же время достойный догматическо-каноническій выходъ изъ всего указаннаго хаоса и тупика — это возвратъ къ практикѣ церкви первыхъ трехъ вѣковъ и эпохи вселенскихъ соборовъ, когда вся юридическая сторона брака и развода находилась въ рукахъ свѣтской власти, а религіозно-этическая—принадлежала церкви. Къ этому уже и пришло теперь большинство западно-европейскихъ странъ, не только протестантскихъ, но и католическихъ. Они ввели у себя, или, точнѣе говоря, возстановили гражданскій бракъ со всѣми его юридическими послѣдствіями, и сохранили церковный, съ чисто религіознымъ характеромъ, чѣмъ вполнѣ правильно отдѣлили здѣсь «Божіе» отъ «Кесарева».

При открытіи преній по докладу, предсѣдатель собранія **П. И. Астровъ** заявилъ, что, такъ какъ онъ беретъ себѣ слово, въ качествѣ оппонента, то предсѣдателемъ проситъ быть **В. С. Малченко,** съ чѣмъ согласилось и все собраніе.

Затѣмъ **П. И. Астровъ** сказалъ слѣдующее: «Брачное состояніе есть состояніе сверхъ-юридическое. Такъ какъ въ бракѣ родятся дѣти, и брачное состояніе есть не только союзъ мужа и жены, но потенціально также союзъ родителей и дѣтей, то неудивительно, что оно является источникомъ многихъ гражданско-правовыхъ отношеній, какъ личныхъ, такъ и по имуществу. Однако само по себѣ оно ничего юридическаго не заключаетъ, и нельзя не согласиться съ Кавелинымъ, что въ правѣ слышатся лишь отдаленные отголоски нормальныхъ семейныхъ отношеній. При такомъ сверхъ-юридическомъ значеніи семьи необходимо — во имя послѣдовательности — выдѣлить вопросы объ ея установленіи и прекращеніи разводомъ изъ области гражданскаго права и найти для нихъ въ общей системѣ права другое, болѣе подходящее мѣсто. Нѣкоторые юристы, напр., К. Д. Кавелинъ — относятъ ихъ къ области права публичнаго. Становясь, въ существѣ, на эту же точку зрѣнія, я, съ своей стороны, полагаю, что изъ всѣхъ отраслей права публичнаго вопросы эти всего ближе подходятъ къ области права церковнаго, ибо въ христіанскомъ церковномъ правосознаніи, возводящемъ бракъ въ таинство, сказано послѣднее слово о природѣ и значеніи брака. Признаніе брака религіознымъ таинствомъ есть великое культурное пріобрѣтеніе человѣчества, которое необходимо беречь. Тѣмъ необходимѣе упорядочить внѣшнія условія,

въ которыхъ это таинство совершается. Исходя изъ этихъ соображеній, я присоединяюсь къ докладчику въ той части его доклада, гдѣ онъ говоритъ о необходимости упорядочить внѣшнія условія заключенія брака и совершенія развода, но расхожусь съ нимъ въ принципіальныхъ обоснованіяхъ этой необходимости».

А. И. Покровскій отвѣтилъ на это такъ. «Я не безъ удовольствія выслушалъ Ваше принципіальное освѣщеніе брачной проблеммы; но, именно, только, какъ Ваше личное, въ значительной степени субъективное, какъ взглядъ искренно-религіознаго и глубоковѣрующаго человѣка, съ возвышенно-мистическимъ и проникновеннымъ взглядомъ на вещи. Но если бы Вамъ угодно было, чтобы я принялъ это мнѣніе за объективный голосъ науки гражданскаго права, то позвольте мнѣ во многомъ съ Вами не согласиться. Право, въ общемъ, наука позитивная, и всякій мистическій туманъ, всякое сверхъ-юридическое состояніе есть уже выпаденіе за орбиту права, какъ, болѣе или менѣе, ясной и точной науки. Ссылка на Кавелина для меня малоубѣдительна потому, что изъ культа семьи выросло не одно только брачное право, но, если хотите, и все-то право, вообще. Но это — еще не основаніе для того, чтобы критеріемъ патріархально-семейной эпохи измѣрять всю послѣдующую историческую эволюцію и цѣнность права. Нисколько не посягаю я и на религіозную природу брака: наоборотъ, я хочу ее возвысить и очистить отъ позднѣйшихъ и случайныхъ историческихъ наростовъ. Все, что сообщаетъ юридическую силу брака, нисколько органически не связано съ существомъ таинства брака: весь этотъ тяжелый предбрачный сыскъ, или «обыскъ», а также и вся бракоразводная грязь требуютъ не священника, а спеціалиста полицейскаго или юриста, которые, по принадлежности, исполнятъ это и скорѣе и лучше. Дѣло церкви и священника лишь благословлять бракъ и устраивать таинство; а все, что касается полицейской, административной, экономической и юридической стороны брачныхъ отношеній, должно подлежать вѣдѣнію другихъ, спеціальныхъ органовъ. Отсѣките отъ таинства брака все ему чуждое и паразитное, и этимъ самымъ вы лишь оздоровите церковный бракъ и возвысите его въ глазахъ искренно вѣрующихъ, которые будутъ итти въ храмъ не по необходимости «легализоваться», а по свободному влеченію сердца».

Вторымъ оппонировалъ **Н. П. Поповъ**, сказавшій слѣдующее. «Вашъ докладъ произвелъ на меня довольно безотрадное впечатлѣніе. Справедливо и давно уже указывается, что къ христіанскому браку прилипло много бытовыхъ и юридическихъ нелѣпостей. Ихъ имѣли предметомъ своего доклада и Вы; но затѣмъ,

проглядѣвъ коренную идею брака, поступили по русской пословицѣ: «осердившись на блохъ, да и шубу въ печь», забывъ мудрую латинскую пословицу: «abusus non tollit usum». За позднимъ временемъи крайнимъ моимъ смущеніемъ, мнѣ трудно разбирать Ваши положенія шагъ за шагомъ, да, пожалуй, это и невозможно: вы цитируете документы или неправильно, или толкуете ихъ произвольно. Напр., въ доказательство того, что первенствующая церковь была ультроаскетична, вы взяли текстъ: «весь міръ во злѣ лежитъ». Но въ тѣхъ же документахъ, рисующихъ строй первохристіанской общины, имѣются мѣста: «пользуйтесь міромъ, но не злоупотребляйте имъ», «все испытывая, хорошаго держитесь», и даже «вся ми лѣть суть», за что апостола даже обвиняли въ либерализмѣ. Ультроаскетизмъ въ церкви — явленіе сравнительно позднее, начавшееся лишь съ появленіемъ монашества, то-есть, въ IV вѣкѣ. Для примѣра сошлюсь на древній памятникъ — *Ἀποφθέγματα*, гдѣ даже въ Великую пятницу разрѣшалось ѣсть курицу, во имя любви. Сравните съ этимъ проявленіе ультроаскетизма, гдѣ полагается отлученіе отъ причастія за то, что человѣкъ на Христовъ день до заутрени «многожды» билъ яйцомъ о зубы. Такихъ фактовъ тысячи и всѣ они не отъ временъ начальной исторіи христіанства... Не нравится мнѣ и самый Вашъ методъ, такъ какъ онъ не объективенъ: факты исторіи Вы кладете въ прокрустово ложе и освѣщаете тенденціозно. Вы, напримѣръ, начинаете освѣщеніе брачнаго вопроса на русской почвѣ съ печатной Кормчей середины XVII вѣка, не взявъ рядъ предшествующихъ рукописныхъ Кормчихъ; а также древнихъ каноническихъ сборниковъ и поученій новобрачнымъ, вы не затрогиваете вовсе, хотя въ нихъ имѣется заслуживающій вниманія матеріалъ».

Отвѣчая этому оппоненту, докладчикъ заявилъ: «Я привыкъ съ уваженіемъ относиться ко всякой серіозной, дѣловой, научно-объективной критикѣ и съ удовольствіемъ иду ей навстрѣчу. Но, къ сожалѣнію, только что выслушанную мною критику я не могу признать сколько-нибудь обладающей указанными необходимыми свойствами: она больше эмоціональна, чѣмъ раціональна — построена на субъективномъ впечатлѣніи оппонента, а не на объективныхъ историческихъ или каноническихъ данныхъ. Тò же, что оппонентъ хотѣлъ выдвинуть, въ качествѣ объективныхъ доводовъ, лишено всякаго значенія и силы. Онъ, напримѣръ, упрекнулъ меня за аскетическую окраску раннѣйшаго христіанства и подкрѣпилъ свой упрекъ ссылкой на *Ἀποφθέγματα*. Но, во-первыхъ, оппонентъ произвольно урѣзалъ мой тезисъ, отнявъ указаніе на эсхатологизмъ первохристіанства; а, во-вторыхъ, онъ

его и исказилъ, перекрасивъ въ ультрааскетизмъ, тогда какъ я говорилъ всего лишь объ аскетизмѣ, да еще объ аскетизмѣ, производномъ изъ эсхатологизма. Единственной ссылкѣ оппонента на *Αποφθέγματα* — аскетической памятникъ V-го вѣка, я могу противопоставить цѣлый рядъ самыхъ ясныхъ свидѣтельствъ изъ каноническихъ новозавѣтныхъ книгъ — соборныхъ посланій Іакова, Петра и Іоанна и болѣе раннихъ посланій ап. Павла, изъ которыхъ съ несомнѣнностью открывается какъ эсхатологизмъ, такъ и вытекающій отсюда аскетизмъ первенствующаго христіанства. Вообще, доказывать, что эсхатологическо-аскетическая струя была очень сильна и живуча въ древнемъ христіанствѣ, это значитъ ломиться въ открытую дверь. Достаточно сослаться на цѣлыя, очень видныя церковныя движенія, какъ хиліазмъ, монтанизмъ, іудействующій гностицизмъ и т. п., чтобы устранить всякое сомнѣніе въ справедливости высказаннаго мною тезиса, или, даже, не тезиса, а трюизма, богато иллюстрированнаго въ трудахъ Гарнака, а у насъ — проф. Глубоковскаго, Булгакова и въ только что вышедшей диссертаціи Вл. Троицкаго.

Ничуть не выше по своему объективному значенію и другое фактическое указаніе оппонента — на якобы неправильное мое отношеніе къ русскимъ памятникамъ и, въ частности, къ Кормчей. Хотя я и не ставилъ задачей своего реферата обзоръ русскихъ брачныхъ памятниковъ — ибо это потребовало бы спеціальнаго новаго реферата, — но попутно я упомянулъ цѣлый рядъ митрополичьихъ, патріаршихъ и соборныхъ грамотъ, касавшихся такъ называемыхъ «невѣнчальныхъ» браковъ. Что касается Кормчей, то оппонентъ, очевидно, совершенно меня не понялъ. О ней я упомянулъ тогда, когда велъ рѣчь о проникновеніи въ нашу русскую литературу западно-католическихъ взглядовъ на бракъ — черезъ Большой Катихизисъ, Требникъ Петра Могилы и 50-ю главу печатной Кормчей. При чемъ же здѣсь исторія Кормчей, различіе ея редакцій и рукописныхъ варіантовъ? Мнѣ нужна была одна, опредѣленная глава Кормчей «о тайнѣ брака», представляющая собой переводъ одной анонимной латинской книжицы; потому, естественно, я только объ этомъ и говорилъ и долженъ былъ говорить, не касаясь другихъ списковъ Кормчей, гдѣ данной главы нѣтъ. Упрековъ оппонента за мой методъ я совершенно не понимаю и не принимаю: онъ упрекаетъ меня и за то, что я, будто бы, невѣрно привожу памятники. Но этотъ упрекъ — слишкомъ отвѣтственъ: его надо доказывать съ фактами въ рукахъ, а не голословно лишь высказывать. Упрекаетъ меня авторъ и за то, что я часто подкрѣпляю свои мнѣнія ссылками на авторитеты, говоря, что я излагаю чужія мнѣнія, а не свои изысканія. Но, признаюсь, мнѣ странно даже

слышать подобный упрекъ: развѣ мнѣнія такихъ авторитетныхъ и общепризнанныхъ ученыхъ канонистовъ, какъ Н. Милашъ, Чижманъ, Павловъ и Суворовъ могутъ уронить научное достоинство какого-либо реферата? Я полагаю, что совсѣмъ наоборотъ, и вижу даже въ этомъ главную силу своего реферата. Когда же я дѣлаю свою собственную интерпретацію памятника, то оппонентъ и здѣсь упрекаетъ меня за тенденціозность и субъективизмъ. Я совершенно недоумѣваю, какимъ же методомъ мнѣ осталось пользоваться еще, чтобы угодить этому строгому и придирчивому критику? Къ счастью, «страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ» и оппонентъ не только ничуть не поколебалъ меня, но еще больше утвердилъ въ моихъ воззрѣніяхъ».

Третій оппонентъ — **Г. А. Рачинскій**, развилъ слѣдующій взглядъ.

Я не могу согласиться со взглядомъ референта, утверждающаго, что въ первое время христіане, подъ вліяніемъ аскетическихъ и эсхатологическихъ воззрѣній, относились отрицательно къ браку. Уже пятое Апостольское правило, воспрещающее епископу разставаться съ женой своей подъ видомъ благочестія, указываетъ на то, какое высокое значеніе придавалось браку. Несомнѣнно, что смыслъ и значеніе таинства раскрывались въ церкви постепенно, и нѣкоторыя изъ таинствъ, въ томъ числѣ и бракъ, сравнительно поздно утвердились въ церковномъ сознаніи въ теперешнемъ ихъ значеніи; при этомъ могли быть и извѣстныя колебанія въ опредѣленіи числа таинствъ и ихъ важности. Но эволюція церковныхъ формъ таинства и позднее происхожденіе самого обряда бракосочетанія не могутъ служить доказательствомъ того, что таинственное и священное значеніе брака не сознавалось въ первые вѣка въ христіанскомъ мірѣ. Градація таинствъ у средневѣковыхъ богослововъ на Западѣ и сравнительно низкое мѣсто, какое занимаетъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ бракъ, объясняются, между прочимъ, и тѣмъ, что нѣкоторыя таинства безусловно необходимы всякому вѣрующему для прохожденія истинно-христіанской жизни, чего о бракѣ, конечно, сказать нельзя. Во всякомъ случаѣ, бракъ является, въ настоящее время, для цѣлаго ряда церквей, въ томъ числѣ и для церкви православной, несомнѣннымъ таинствомъ; и признаніемъ его таковымъ опредѣляется каноническое право по сему вопросу въ данной церкви. Положенія этого права являются обязательными для членовъ церкви, но только для нихъ; и поэтому государственное законодательство по сему предмету, имѣющее въ виду всѣхъ гражданъ безъ различія вѣроисповѣданія и ставящее себѣ рядъ внѣрелигіозныхъ цѣлей, не можетъ совпадать во всѣхъ частяхъ со взглядами церкви и быть принято ею къ руко-

водству. Вотъ почему желательно введеніе гражданскаго брака, регулирующаго правовыя отношенія семьи съ точки зрѣнія государства; церковный же бракъ долженъ отойти всецѣло къ церкви и быть дѣломъ вѣрующихъ, ихъ свободнаго подчиненія церковнымъ законамъ и правиламъ. Все сказанное, конечно, не исключаетъ необходимости коренныхъ реформъ въ нашемъ брачномъ правѣ, ибо теперешніе порядки въ дѣлѣ брака и развода непріемлемы ни съ религіозной, ни съ соціальной точки зрѣнія; но провести эти реформы можетъ лишь церковный соборъ».

Въ отвѣтъ на это, **А. И. Покровскій**, прежде всего, заявилъ, что пятое апостольское правило совсѣмъ не характеризуетъ брачныхъ взглядовъ первенствующей церкви. Это — отзвукъ Гангрскаго собора IV вѣка, боровшагося съ бракоборческой сектой «евстаѳіанъ» и посему показательно лишь для этой и позднѣйшихъ эпохъ. Затѣмъ, я долженъ заявить, что я нисколько не усиливаюсь отрицать бракъ, какъ церковное таинство. Наоборотъ, я не разъ и настойчиво подчеркивалъ, что, именно, забота поднять религіозно-сакраментальную силу брака заставляетъ меня желать, чтобы отъ церковнаго брака были отняты всѣ чуждые ему наросты. И мы вполнѣ совпадаемъ съ Г. А. въ томъ, когда хлопочемъ о введеніи гражданскаго брака, при сохраненіи и церковнаго. Пусть гражданскій бракъ получитъ всю необходимую ему внѣшне-юридическую крѣпость и силу; но пусть и церковный бракъ сохранитъ свою религіозно-моральную обязательность, въ интересахъ внутренней церковной дисциплины.

Этимъ пренія по докладу закончились и засѣданіе было закрыто.

Предсѣдатель комиссіи
по Церковному праву ***П. Астровъ.***

Секретарь ***А. Покровскій.***

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
*100018852754